

ДЖЕФФРИ АРЧЕР

Искусство рассказывать истории — великий и редкий дар,
которому невозможно научить, с этим надо родиться.
Ты не сможешь продать свои книги тиражом 250 миллионов
экземпляров, если тебе нечем заворожить читателя.
Арчер делает это снова и снова.

The Time

Хроники
Клифтона

Книга

ЛИШЬ
ВРЕМЯ

ПОКАЖЕ

Джеффри Арчер
Лишь время покажет
Серия «Хроники Клифтонов», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7416287

Томас Д. Казнь Шерлока Холмса : роман: Азбука, Азбука-Аттикус; С.-Петербург; 2014
ISBN 978-5-389-08440-7

Аннотация

История Гарри Клифтона таинственна и неординарна. Как будто его ведут по жизни две противоположные силы. Светлая, земным проявлением которой выступает портовый нищий Смоленый Джек, в прошлом капитан флота. И темная, нашедшая свое воплощение в Уолтере Баррингтоне, владельце пароходной компании. Вчера сын чернорабочего в бристольских доках, сегодня ученик элитарной школы, завтра – человек с чужой родиной и чужим именем, попытавшийся таким волевым ударом разрешить узы несчастливой судьбы.

«Лишь время покажет» – первый роман «Хроник Клифтонов», истории триумфов и поражений нескольких поколений одной семьи, истории, разворачивающейся на двух континентах, разделенных водами океана.

Содержание

Мэйзи Клифтон	6
Вступление	6
Гарри Клифтон	8
1	8
2	12
3	17
4	22
5	27
6	33
7	39
8	44
9	49
10	53
Мэйзи Клифтон	56
11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Джеффри Арчер

Лишь время покажет

АЛАНУ КВИЛТЕРУ 1927–1998

*Я благодарю за неоценимые советы и материалы:
Джона Энсти, Саймона Бейнбриджа, Джона Клевердона,
Элинора Драйден, Джорджа Хэвенса, Элисон Принс, Мэри Робертс,
Сьюзен Уотт, Дэвида Уоттса и Питера Уоттса*

Jeffrey Archer

ONLY TIME WILL TELL

Copyright © 2011 by Jeffrey Archer

All rights reserved

© И. Смирнова, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

® Издательство АЗБУКА

БАРРИНГТОНЫ

КЛИФТОНЫ

Мэйзи Клифтон 1919

Вступление

Эта история никогда не была бы написана, если бы я не забеременела. Не подумайте, я с самого начала собиралась лишиться девственности в ту поездку в Уэстон-сьюпер-Мэр, только не с этим мужчиной.

Артур Клифтон родился на Стилл-Хаус-лейн, как и я сама; даже ходил в ту же общеобразовательную школу Мерривуд, но я была на два года младше его, вот он и не подозревал о моем существовании. Все мои одноклассники были в него влюблены, и не только потому, что он был капитаном школьной футбольной команды.

Хотя Артур не проявлял ко мне ни малейшего интереса, пока я училась в школе, это изменилось вскоре после того, как он вернулся с Западного фронта. Я даже не уверена, понимал ли он, кто я такая, когда пригласил меня на танец субботним вечером в «Пале», но, честно говоря, и мне пришлось хорошенько присмотреться, прежде чем я его узнала, поскольку он отрастил тоненькие усики и начал зализывать волосы назад, подобно Рональду Колману¹. Тем вечером он ни разу ни на кого больше не взглянул, и когда мы протанцевали последний вальс, я уже знала, что предложение выйти за него замуж остается лишь вопросом времени.

Артур держал меня за руку, пока мы возвращались домой, а у самой моей двери попытался поцеловать. Я отвернулась. В конце концов, преподобный Уоттс достаточно часто повторял, что я должна оставаться чиста до свадьбы, а мисс Манди, руководившая нашим церковным хором, предостерегала, что все мужчины хотят лишь одного и, как только это получают, мгновенно утрачивают интерес. Я частенько гадала, не опиралась ли мисс Манди на собственный опыт.

В следующую субботу Артур пригласил меня в кино на «Сломанные побеги» с Лиллиан Гиш, но я, хотя и разрешила ему приобнять меня за плечи, поцеловать себя так и не дала. Спорить он не стал. По правде сказать, Артур был довольно робок.

Неделей позже я все же позволила ему поцелуй, но оттолкнула его, когда он попытался запустить руку мне под блузку. Собственно, этого я ему не разрешала, пока он не сделал мне предложение, не купил кольцо, а преподобный Уоттс не огласил объявление о предстоящем бракосочетании во второй раз.

Мой брат Стэн утверждал, будто я последняя известная ему девственница по нашу сторону реки Эйвон, хотя я подозреваю, что большая часть его собственных побед состоялась исключительно в его воображении. И все же я решила, что время пришло, – и почему бы этому не произойти по ходу поездки в Уэстон-сьюпер-Мэр с мужчиной, за которого я собираюсь замуж считанные недели спустя?

Однако стоило Артуру со Стэном сойти с автобуса, как они направились к ближайшей пивной. Но не зря же я весь предыдущий месяц строила планы ради такого случая, поэтому, ступая на землю, уже была готова, как опытная девочка-скаут.

Сытая по горло этой историей, я направлялась к пирсу, когда заметила, что следом за мной кто-то идет. Я оглянулась и сильно удивилась, увидев, кто это. Он нагнал меня и спросил, одна ли я здесь.

¹ Рональд Колман – английский актер. – Здесь и далее прим. перев.

– Да, – ответила я, сознавая, что к этому времени Артур уже наверняка принялся за третью пинту.

Когда он положил руку мне на задницу, надо было дать ему пощечину, но я не стала – по нескольким причинам. Для начала я подумала, что будет не так уж плохо переспать с человеком, которого я вряд ли еще когда-нибудь увижу. И, вынуждена признать, мне польстили его заигрывания.

К тому времени, как Артур со Стэном должны были перейти к восьмой пинте, он снял для нас домик на самой набережной. Похоже, у них были особые расценки для гостей, не собирающихся оставаться на ночь. Он начал целовать меня еще до того, как мы добрались до лестничной площадки второго этажа, а едва дверь спальни закрылась, быстро расстегнул пуговицы на моей блузке. В этом деле он был явно не новичок. На самом деле я почти уверена, что оказалась не первой девушкой, с которой он переспал в такой поездке. Иначе откуда бы он знал об особых расценках?

Должна признаться, я не ожидала, что все закончится так быстро. Как только он скатился с меня, я скрылась в ванной, а он уселся на краю постели и закурил сигарету. Может, во второй раз получится лучше, подумалось мне. Но когда я вышла из ванной, его уже не было. Если по правде, то я была разочарована.

Возможно, я чувствовала бы себя более виноватой из-за того, что изменила Артуру, не вытошни его прямо на меня по дороге обратно в Бристоль.

На следующий день я рассказала маме о происшедшем, не упомянув о том, кем был тот парень. В конце концов, она с ним не встречалась и вряд ли когда-нибудь встретится. Мама велела мне держать язык за зубами, поскольку не хотела отменять свадьбу, и даже если бы выяснилось, что я понесла, никто бы ни о чем не догадался – ведь мы с Артуром уже поженились бы к тому времени, как это стало бы заметно.

Гарри Клифтон 1920–1933

1

Мне сказали, что отец погиб на войне.

Сколько бы я ни расспрашивал матушку о его смерти, она отвечала одно и то же: что он служил в Королевском Глостерширском полку и был убит, сражаясь на Западном фронте, всего за несколько дней до заключения перемирия. Бабушка добавляла, что папа был очень храбрым, и однажды, когда мы остались в доме одни, показала его медали. Дедушка редко высказывал мнение по какому бы то ни было поводу, но, с другой стороны, он был глух как пень, так что, возможно, попросту не слышал вопроса.

Единственным, кроме него, мужчиной, которого я могу вспомнить, был мой дядя Стэн, обычно сидевший за завтраком во главе стола. Когда дядя уходил по утрам, я часто увязывался за ним в порт, где он работал. Каждый день, который я проводил на пристанях, был полон приключений. Грузовые суда приходили из далеких стран и разгружали товары: рис, сахар, бананы, джут и множество других вещей, о которых я никогда не слышал. Как только трюмы пустели, портовые рабочие заполняли их солью, яблоками, оловом и даже углем (его я любил меньше всего, ведь он напоминал мне о том, чем я занимался весь день, и сердил матушку), а затем корабли снова отплывали в неведомые дали. Мне всегда хотелось помочь дяде Стэну с разгрузкой любого судна, какое бы ни пришло в порт, но он только смеялся, приговаривая: «Всему свое время, парень». Я все никак не мог дожидаться, но тут, без малейшего предупреждения, вмешалась школа.

Когда мне исполнилось шесть, меня послали в Мерривуд, и я счел это пустой тратой времени. Зачем нужна школа, если я могу научиться всему, что мне необходимо, прямо в порту? Я бы и не подумал тащиться туда на следующий день, но матушка доволокла меня до самых ворот, оставила там и вернулась днем, к четырем часам, чтобы забрать домой.

Я не осознавал, что у нее были другие виды на мое будущее, и они не предполагали работу в порту на пару с дядей Стэном.

Каждое утро, когда мама оставляла меня у школьных ворот, я болтался по двору, пока она не скрывалась из виду, и удирал в порт. Я следил за тем, чтобы всегда возвращаться к воротам к тому времени, когда она днем заходила за мной. По пути домой я рассказывал ей обо всем, чем занимался в школе. Выдумки давались мне без труда, но довольно скоро она выяснила, что именно этим они и были – выдумками.

Пара других ребят из моей школы тоже частенько ошивалась в порту, но я держался от них подальше. Все они были старше и выше ростом и, случалось, поколачивали меня, если я подворачивался им под руку. Еще мне приходилось остерегаться мистера Хаскинса, старшего бригадира, потому что он, заставая меня, по его любимому выражению, «слоняющимся без дела», прогонял и напутствовал пинком под зад с угрозой: «Если еще хоть раз увижу тебя слоняющимся тут без дела, сообщу директору».

Время от времени Хаскинс решал, что я чересчур ему примелькался, и я таки попадал к директору, который порол меня ремнем и отправлял обратно на занятия. Мой классный руководитель мистер Холкомб никогда не жаловался, если я не показывался у него на уроке, но, впрочем, он был довольно мягкосердечен. Всякий раз, когда о моих прогулах узнавала мама, она сердилась и переставала выдавать мне полпенни в неделю на карманные расходы.

Но, несмотря на тычки от старших мальчишек, регулярные директорские порки и лишение карманных денег, я все равно не мог устоять перед притяжением доков.

«Слоняясь без дела» по порту, я по-настоящему сдружился лишь с одним человеком. Его звали Смоленным, иногда к Смоленому добавляли Джек или Старый Джек. Мистер Смоленный жил в заброшенном железнодорожном вагоне на краю депо. Дядя Стэн велел мне держаться подальше от Смоленого, поскольку тот был тупым и грязным старым бродягой. Мне он казался не таким уж и грязным – всяко меньше, чем сам Стэн, – а довольно скоро я обнаружил, что он к тому же ничуть не туп.

Перекусив вместе с дядей – остатком его бутерброда с пастой «Мармит»², огрызком яблока, которое он не доел, и глотком пива, – я возвращался в школу как раз к началу футбольного матча: единственное, что, на мой взгляд, заслуживало того, чтобы там вообще появляться. В конце концов, я собирался стать после выпуска капитаном команды «Бристоль Сити» или построить корабль, который обогнет весь мир. Если мистер Холкомб держал рот на замке, а бригадир не жаловался на меня директору, я мог не попадаться целыми днями, и пока я избегал угольных барж и всякий раз являлся к школьным воротам к четверем, матушка ни о чем не догадывалась.

Каждую вторую субботу дядя Стэн брал меня с собой на стадион «Эштон Гейт» смотреть игру «Бристоль Сити». С утра по воскресеньям мама обычно тащила меня в церковь Святого Рождества – от этого похода мне никак не удавалось отвертеться. Как только преподобный Уоттс заканчивал службу последним благословением, я мчался на игровую площадку, где гонял с приятелями мяч, пока не наступала пора возвращаться домой обедать.

К тому времени, как мне исполнилось семь, любому, кто хоть что-нибудь понимал в футболе, сделалось ясно, что мне ни за что не попасть даже в школьную команду, не говоря уже о капитанстве в «Бристоль Сити». Но тогда же я обнаружил, что Господь все же наделил меня одним талантом, хоть заключался тот вовсе не в ногах.

Прежде я даже не замечал, что каждый, кто садился рядом со мной в церкви по утрам в воскресенье, переставал петь, стоило мне открыть рот. Я бы не стал об этом задумываться, если бы мама не предложила мне вступить в хор. Я презрительно рассмеялся: в конце концов, всем известно, что хор – занятие для девчонок и маменькиных сынков. Я отказался бы наотрез, не сообщи мне преподобный Уоттс, что хористам платят по пенни за похороны и по двухпенсовику за свадьбы – мое первое знакомство с подкупом. Но даже после того, как я нехотя согласился явиться на прослушивание, дьявол решил создать на моем пути препятствие в лице мисс Элинора Э. Манди³.

Я никогда бы в жизни не столкнулся с мисс Манди, если бы та не руководила хором в церкви Святого Рождества. Хотя росту в ней было всего пять футов три дюйма и выглядела она так, будто ее может сдуть порывом ветра, никто и не думал над ней смеяться. Я подозреваю, что даже дьявол испугался бы мисс Манди – ведь преподобный Уоттс ее откровенно побаивался.

Я согласился пойти на прослушивание, но не раньше чем мама выдала мне вперед карманные деньги за целый месяц. В следующее воскресенье я стоял в одной шеренге с компанией других мальчишек и ждал, когда меня вызовут.

– Вы всегда будете являться на репетиции вовремя, – объявила мисс Манди, остановив на мне пристальный взгляд.

Я с вызовом уставился на нее.

² «Мармит» – фирменное название питательной белковой пасты с насыщенным вкусом и резким запахом; используется для бутербродов и заправки горячих блюд.

³ Фамилия мисс Манди означает «понедельник»: «Monday».

– Вы не будете разговаривать, если к вам не обратились.

Каким-то образом я ухитрился промолчать.

– И вы ни в коем случае не будете отвлекаться во время службы.

Я нехотя кивнул. А затем, благослови ее Бог, она предоставила мне выход из положения.

– Но, что важнее всего, – заключила она, подбоченившись, – в течение двенадцати недель вы должны будете пройти проверку навыков чтения и письма, чтобы я могла быть уверена, что вы справитесь с новым хоралом или незнакомым псалмом.

Я обрадовался тому, что не совладал с первым же препятствием. Но, как мне еще предстояло выяснить, мисс Элинора Э. Манди легко не сдавалась.

– Дитя, ты выбрал, что хочешь петь? – спросила она, когда очередь дошла до меня.

– Нет, ничего не выбрал, – ответил я.

Она открыла сборник гимнов, протянула его мне и села за фортепьяно. Я улыбнулся при мысли, что, возможно, еще успею ко второй половине нашего воскресного матча. Она начала играть знакомую мелодию, и я, заметив, как матушка сверлит меня взглядом с переднего ряда, решил, что лучше будет довести дело до конца, просто чтобы ее не расстраивать.

– «Созданий прекрасных и чудных, и самых больших, и крох – все, что есть светло и мудро...»

Улыбка затеплилась на лице мисс Манди задолго до того, как я добрался до строки «Придумал Господь наш Бог».

– Дитя, как тебя зовут? – спросила она.

– Гарри Клифтон, мисс.

– Гарри Клифтон, ты будешь являться на репетиции хора по понедельникам, средам и пятницам в шесть часов ровно, – объявила она и, повернувшись к стоявшему за мной мальчику, сказала: – Следующий!

Я пообещал маме явиться вовремя на первую репетицию хора, хотя был уверен, что она же окажется и последней, благо мисс Манди быстро поймет, что я не умею ни читать, ни писать. И она стала бы последней, если бы всякому, кто слышал, не было очевидно, что певческий голос у меня совершенно иного уровня, чем у любого другого хориста. В сущности, как только я открыл рот, все умолкли, и во взглядах зажглось восхищение и даже благоговение, которого я безуспешно искал на футбольном поле, но обрел только в церкви. Мисс Манди сделала вид, что этого не заметила.

Когда она отпустила нас, я не пошел домой, а со всех ног побежал в порт, чтобы спросить мистера Смоленого, что мне делать, раз я не умею читать и писать. Я выслушал совет старика и на следующий день явился в школу и занял свое место в классе мистера Холкомба. Учитель не сумел скрыть удивления, увидев меня за первой партой, и поразился еще больше, когда я впервые в жизни уделил пристальное внимание утреннему уроку.

Мистер Холкомб начал с того, что научил меня алфавиту, и в считанные дни я уже мог написать все двадцать шесть букв, пусть не всегда в правильном порядке. Мама помогала бы мне днем, но она, как и все остальные в моей семье, тоже не умела ни читать, ни писать.

Дядя Стэн с трудом мог нацарапать свою подпись, и, хотя он и умел отличить пачку сигарет «Уиллс стар» от «Уайлд вудбайн», я почти не сомневался, что этикеток он на самом деле не читает. Несмотря на его ворчание, не слишком помогавшее делу, я принялся выписывать алфавит на каждом клочке ненужной бумаги, который мне удавалось найти. Дядя Стэн, похоже, даже не замечал, что газетные обрывки в уборной теперь испещрены буквами.

Как только я овладел алфавитом, мистер Холкомб познакомил меня с несколькими простыми словами: «дом», «кот», «мама» и «папа». Именно тогда я впервые спросил его о папе в надежде услышать хоть что-нибудь. Ведь казалось, будто он знает всё. Однако его, похоже, тоже озадачило, что мне так мало известно о собственном отце. Неделий позже он написал

на доске слова подлиннее – «книга» и «школа», а там и еще более сложные. К концу месяца я уже смог написать свое первое предложение: «Съешь ещё этих мягких французских булок да выпей чаю» – оно, по утверждению мистера Холкомба, содержало все буквы алфавита. Я проверил, и оказалось, что он прав.

К концу триместра я умел написать без ошибок «гимн», «псалом» и даже «хорал», хотя мистер Холкомб не устал напоминать мне, что в устной речи я все еще теряю звук «х» в начале слов. Но затем уроки прервались на время каникул, и я начал беспокоиться, что ни за что не справлюсь с суровой проверкой мисс Манди без помощи мистера Холкомба. И так, возможно, и вышло бы, не смени его на посту Смоленый.

В пятницу вечером я явился за полчаса до начала репетиции, на которой, как я знал, мне предстояло пройти второе испытание, если я рассчитывал остаться в хоре. Я молча сел на скамью, надеясь, что мисс Манди спросит кого-нибудь другого, а уж потом вызовет меня.

Я уже сдал первый тест, причем, по выражению самой мисс Манди, с блеском. Нас всех попросили прочесть наизусть «Отче наш». Для меня это не составило труда, ибо, сколько я себя помнил, мама каждый вечер преклоняла колени у моей кровати и повторяла знакомые слова перед тем, как подоткнуть мне одеяло. Однако следующее задание мисс Манди обещало оказаться намного сложнее.

На этот раз, в конце второго месяца занятий, от нас ожидалось, что мы прочтем перед хором псалом. Я выбрал сто двадцатый, который также знал наизусть, ведь прежде я пел его часто. «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя». Я мог лишь надеяться, что помощь моя придет от Господа. Хотя я и умел уже открыть сборник псалмов на нужной странице, научившись считать до ста, однако боялся, не догадается ли мисс Манди о том, что я не способен проследить каждый стих строчка за строчкой. Если она что-то и заподозрила, то ничем этого не выдала, и я остался на хорах еще на месяц, в то время как два других еретика – ее слово, и не то чтобы я знал, что оно означает, пока на завтра не спросил у мистера Холкомба, – отправились обратно, к прочим прихожанам.

Когда пришло время третьего, и последнего испытания, я оказался к нему готов. Мисс Манди предложила оставшимся написать десять заповедей в правильном порядке, не сверяясь с Исходом.

Хормейстер закрыла глаза на то, что я поставил «кражу» перед «убийством», не сумел правильно написать слово «прелюбодействуй» и явно не понимал его значения. Лишь после того, как двое других «еретиков» были без промедления изгнаны за меньшие прегрешения, я наконец-то осознал исключительность своего голоса.

В первое воскресенье Рождественского поста мисс Манди объявила, что выбрала трех новых дискантов – или «ангелочков», как имел обыкновение отзываться о нас преподобный Уоттс, – которые присоединятся к ее хору. Остальные же были отвергнуты за столь непροстительные грехи, как болтовня во время проповеди, сосание леденцов и, в случае двух мальчиков, игра в «каштаны»⁴ под «Ныне отпускаеши».

В следующее воскресенье я облачился в длинную синюю сутану с гофрированным белым воротником. Только мне одному позволили надеть на шею бронзовый медальон с изображением Богородицы, чтобы показать, что меня выбрали сопранистом. Я бы с гордостью отправился с этим медальоном домой и даже в школу – порисоваться перед другими ребятами, если бы только мисс Манди не забирала его после каждого богослужения.

По воскресеньям я переносился в другой мир, но опасался, что это блаженство не продлится вечно.

⁴ Одним конским каштаном, нанизанным на веревочку, бьют по другим.

2

Когда дядя Стэн вставал по утрам, каким-то образом он ухитрялся перебудить весь дом. Никто не жаловался, ведь он кормил семью и был к тому же дешевле и надежней будильника.

Сперва Гарри слышал, как хлопала дверь спальни. Дальше дядя с топотом пересекал скрипучую деревянную лестничную площадку, спускался по ступенькам и выходил из дома. Затем хлопала еще одна дверь, когда он скрывался в уборной. Если кто-нибудь еще спал, плеск воды после рывка за цепочку и еще две хлопнувших двери по дороге обратно в спальню напоминали, что Стэн рассчитывает увидеть на столе завтрак, когда придет на кухню. Умывался и брился он только вечером по субботам, перед тем как отправиться в «Пале» или «Одеон»⁵. Ванну же принимал четыре раза в год, по квартальным дням⁶. Никто бы не обвинил Стэна в пустом расходовании на мыло с трудом заработанных денег.

Мэйзи, мать Гарри, вставала следующей. Она вскакивала с постели сразу после первого хлопка дверью. К тому времени, как Стэн выходил из уборной, на плите уже стояла овсянка. Вскоре поднималась бабушка и присоединялась к дочери на кухне еще до того, как Стэн занимал свое место во главе стола. Гарри, если он надеялся позавтракать, нужно было спуститься за пять минут после первой хлопнувшей двери. Последним в кухне появлялся дедушка, настолько глухой, что зачастую ему удавалось проспять весь утренний ритуал Стэна. Этот распорядок в доме Клифтонов не менялся. Когда на всех имеются одна уборная во дворе, одна раковина и одно полотенце, порядок становится необходимостью.

К тому времени, как Гарри плескал в лицо холодной водой, тонкой струйкой сбегавшей из крана, его мать на кухне уже накрывала на стол: два толстых ломтя хлеба, смазанных топленым салом, для Стэна и четыре потоньше – для остальной семьи, подрумяненные на огне, если в мешке, что по понедельникам сгружали перед входной дверью, еще оставался уголь. Когда Стэн доедал свою овсянку, Гарри разрешали вылизать миску.

Большой коричневый чайник всегда стоял на огне, и бабушка разливала чай по малым и большим кружкам через посеребренное ситечко, которое унаследовала от матери. Пока остальные члены семьи наслаждались неподслащенным чаем – сахар предназначался лишь для особых случаев, – Стэн открывал свою первую бутылку пива и осушал ее обычно одним глотком. Затем он поднимался из-за стола, шумно рыгал и забирал коробку с обедом, приготовленную бабушкой, пока он завтракал: два бутерброда с пастой «Мармит», сосиска, яблоко, еще две бутылки пива и сверточек с пятком сигарет. Как только Стэн уходил в порт, все тут же принимались разговаривать.

Бабушка вечно хотела знать, кто посещал чайную, где работала официанткой ее дочь: что они ели, как были одеты, где сидели. Каждую мелочь о блюдах, которые готовились на плите при свете электрических лампочек, не грозивших восковыми потеками. Не говоря уже о клиентах, порой оставлявших на чай трехпенсовик, которым Мэйзи приходилось делиться с поваром.

Мэйзи больше интересовало, чем Гарри накануне занимался в школе. Она требовала ежедневного отчета, который, похоже, вовсе не занимал бабушку – возможно, потому, что та никогда не ходила в школу. Но, если на то пошло, в чайной она не бывала тоже.

Дедушка высказывался редко, поскольку он совершенно оглох после четырех лет обслуживания артиллерийского полевого орудия утром, днем и вечером, и ему приходилось довольствоваться тем, что он следил за губами и время от времени кивал. Со стороны могло показаться, что он туповат, но семья успела, на свою беду, убедиться в обратном.

⁵ «Пале» – зал для танцев; «Одеон» – название сети британских кинотеатров.

⁶ *Квартальный день* – день, начинающий квартал года (срок внесения аренды, уплаты процентов и тому подобного).

Семейный утренний распорядок нарушался только по выходным. По субботам Гарри следом за дядей уходил с кухни и, неизменно держась на шаг позади, направлялся в порт. По воскресеньям мама провожала мальчика в церковь Святого Рождества, где на скамье в третьем ряду нежилась в лучах славы юного сопраниста.

Но сегодня была суббота. За двадцать минут до порта пешком Гарри никогда не открывал рта, если с ним не заговаривал дядя. И всякий раз, когда это случалась, беседа в точности повторяла ту, что состоялась в предыдущую субботу.

– И когда же ты, выюноша, собираешься бросить школу и заняться делом? – как всегда, спросил дядя Стэн в порядке пристрелки.

– Не могу, пока мне не исполнится четырнадцать, – напомнил ему Гарри. – Таков закон.

– Чертовски глупый закон, если хочешь знать мое мнение. Я бросил школу и начал работать в порту, когда мне сравнялось двенадцать, – провозгласил Стэн, как будто Гарри никогда прежде не слышал этого глубокого высказывания.

Мальчик не стал утруждаться ответом, поскольку уже знал, какой будет следующая дядина реплика.

– И более того: я записался в армию Китченера⁷ еще до семнадцатого дня рождения.

– Расскажи мне о войне, дядя Стэн, – попросил Гарри, зная, что эта тема займет собеседника еще на несколько сот ярдов.

– Мы с твоим отцом вступили в Королевский Глостерширский полк в один день, – начал Стэн и коснулся матерчатой кепки, словно отдавая честь давнему воспоминанию. – После двенадцати недель начальной подготовки в казармах Тонтонна нас отправили в Ипр драться с бошами. Когда мы туда добрались, то большей частью теснились в кишаших крысами окопах и ждали, пока какой-нибудь выскочка-офицер не скажет нам, что по сигналу горна мы должны вы браться наружу и, примкнув штыки и стреляя из ружей, наступать на строй противника. – Повисла долгая пауза, после которой Стэн добавил: – Мне повезло. Вернулся в родные края целехоньким.

Гарри мог бы предсказать дальнейшее дословно, но промолчал.

– Ты даже не представляешь, как тебе повезло, паренек. Я потерял двух братьев, твоих дядей Рэя и Берта, а твой отец – не только брата, но еще и отца, другого твоего дедушку, ты его никогда не видел. Настоящий мужик, пинту пива пил быстрее любого докера, какого я знал.

Если бы Стэн опустил взгляд, то увидел бы, как мальчик одними губами проговаривает его слова, но сегодня, к удивлению Гарри, дядя добавил фразу, которой прежде никогда не произносил.

– И твой папка был бы жив по сей день, если бы начальство ко мне прислушалось.

Гарри резко насторожился. Папина смерть всегда была предметом для разговоров шепотом и вполголоса. Но Стэн умолк, как будто сообразил, что зашел слишком далеко. Может, на следующей неделе, решил мальчик, нагнав дядю и зашагав с ним в ногу, как пара солдат на плацу.

– Так с кем сегодня играет «Сити»? – спросил Стэн, возвращаясь к сценарию.

– С «Чарльтон атлетик», – ответил Гарри.

– Вот уж сапожники.

– В прошлом сезоне они нас разгромили, – напомнил племянник.

– Им просто повезло, если хочешь знать мое мнение, – отрезал Стэн и больше не раскрыв рта.

⁷ Армия Китченера – армия добровольцев, созданная в начале Первой мировой войны по инициативе графа Китченера, военного министра Британии.

Когда они добрались до ворот, Стэн отметил, что сходил на проходной, а затем направился в док, где трудился с бригадой других портовых рабочих, никто из которых не мог позволить себе и минутного опоздания. Уровень безработицы поднялся небывало высоко, и слишком много молодых людей выстроились в очередь за воротами, дожидаясь возможности занять их место.

Гарри не пошел за дядей, поскольку знал, что схлопочет оплеуху от мистера Хаскинса, если тот застанет его ошивающимся у доков, а дядя еще и добавит пинка за то, что племянник злит бригадира. Вместо этого он устремился в противоположном направлении.

Каждое субботнее утро начиналось для Гарри со Смоленого, жившего в железнодорожном вагоне на другом конце порта. Мальчик никогда не рассказывал Стэну об этих визитах, потому что дядя предупреждал его держаться как можно дальше от старика.

– Должно быть, годами не принимал ванны, – говорил человек, мывшийся четыре раза в год, и то лишь после того, как мама Гарри жаловалась на запах.

Но любопытство давным-давно победило, и Гарри однажды утром на четвереньках подкрался к железнодорожному вагону, приподнялся и заглянул в окно. Старик сидел на скамье первого класса и читал книгу.

– Заходи, паренек, – предложил Смоленый, повернувшись к мальчику.

Гарри отпрыгнул, бросился бежать и не останавливался до самого дома.

В следующую субботу он снова подполз к вагону и заглянул внутрь. Казалось, Смоленый крепко спал, но тут он заговорил.

– Да заходи же, мальчик мой! – услышал Гарри. – Я не кусаюсь.

Он повернул тяжелую латунную ручку и неуверенно открыл дверь, но внутрь не зашел. Мальчик уставился на человека, сидевшего в середине вагона. Трудно было сказать, насколько он стар, – лицо закрывала ухоженная борода с проседью, из-за которой старик напоминал моряка с пачки сигарет «Плейерс плиз». Но смотрел он на Гарри с теплотой в глазах, никогда не дававшейся дяде Стэну.

– Вы Смоленый Джек? – отважился спросить мальчик.

– Так зовут меня люди, – ответил старик.

– А здесь вы живете? – уточнил Гарри, окинув взглядом вагон и остановившись на стопке старых газет, громоздившейся на сиденье напротив.

– Да, – подтвердил тот. – Это место служит мне домом последние двадцать лет. Почему бы тебе не закрыть за собой дверь и не присесть, молодой человек?

Гарри слегка задумался над этим предложением, прежде чем выскочить из вагона и снова убежать.

Субботой позже он и впрямь затворил за собой дверь, но так и не выпустил ручки, готовый сорваться с места, если старик хотя бы мускулом шевельнет. Некоторое время они смотрели друг на друга.

– Как тебя зовут? – спросил наконец Смоленый.

– Гарри.

– А в какую школу ты ходишь?

– Я не хожу в школу.

– Тогда чем же ты намерен заняться в жизни, молодой человек?

– Работать в порту вместе с дядей, конечно, – ответил Гарри.

– Неужели ты всерьез этого хочешь? – удивился старик.

– А почему нет? – ошетинился мальчик. – Вы считаете, я недостаточно хорош?

– Ты слишком хорош, – поправил Смоленый. – Когда мне было столько же, – продолжил он, – я хотел завербоваться в армию, и отцу так и не удалось меня разубедить ни словом, ни делом.

Еще час Гарри простоял, замороженный, пока Смоленый предавался воспоминаниям о доках, Бристоле и странах за морем, о которых ему не довелось услышать на уроках географии.

Несколько последующих суббот Гарри продолжал навещать Смоленого. Но он никогда не признавался в этом ни дяде, ни матери из опасения, что те запретят ему видаться с первым настоящим другом.

Когда Гарри постучался в дверь железнодорожного вагона этим субботним утром, Смоленый уже ждал юношу, судя по привычному наливному яблоку, лежавшему на сиденье напротив. Гарри взял его, надкусил и сел.

– Спасибо, мистер Смоленый, – поблагодарил он, утерев с подбородка сок.

Мальчик никогда не спрашивал, откуда берутся яблоки, – они лишь прибавляли загадочности этому замечательному человеку.

Как же он отличался от дяди Стэна: тот снова и снова повторял то небольшое, что знал, в то время как Смоленый каждую неделю знакомил Гарри с новыми словами, новыми впечатлениями и даже новыми мирами. Мальчик частенько недоумевал, почему мистер Смоленый не работает школьным учителем, – казалось, он знал даже больше, чем мисс Манди, и почти столько же, сколько мистер Холкомб. Гарри был убежден, что мистер Холкомб знал все на свете, потому что еще ни один вопрос не поставил его в тупик.

Смоленый улыбнулся гостю, но не заговорил, пока мальчик не доел яблоко и не выкинул огрызок в окошко.

– Что ты выучил в школе, – спросил старик, – чего не знал неделю назад?

– Мистер Холкомб рассказал, что за морем есть и другие страны, которые входят в Британскую империю, и всеми ими правит король.

– Он совершенно прав, – подтвердил Смоленый. – Можешь назвать какие-нибудь из этих стран?

– Австралия. Канада. Индия, – перечислил мальчик и чуть замешкался. – И Америка.

– Нет, Америка – нет, – поправил Смоленый. – Раньше так оно и было, но больше нет, спасибо слабому премьер-министру и больному королю.

– Кто был королем, а кто – премьер-министром? – сердито осведомился Гарри.

– В тысяча семьсот семьдесят шестом царствовал король Георг Третий, – ответил Смоленый, – но, по правде сказать, он был болен. А лорд Норт, его премьер-министр, попросту не обращал внимания на то, что творилось в колониях. И к сожалению, в итоге наши родные и близкие обратили оружие против нас.

– Но мы же наверняка их разбили? – спросил Гарри.

– Нет, не разбили, – возразил старик. – Не только правда была на их стороне – хотя это не всегда обуславливает победу...

– Что значит «обуславливать»?

– Делать возможным, – пояснил Смоленый, а затем продолжил так, как будто его и не перебивали: – Но к тому же у них был блестящий военачальник.

– Как его звали?

– Джордж Вашингтон.

– На прошлой неделе вы рассказывали, что Вашингтон – столица Америки. Его называли в честь города?

– Нет, это город называли в его честь. Построили в болотистых землях под названием Колумбия, где протекает река Потомак.

– А Бристоль тоже называли в честь человека?

– Нет, – усмехнулся Смоленый, позабавленный тем, как быстро пытливый ум Гарри переключается с одного предмета на другой. – Изначально Бристоль назывался Бригстоу, что означало «место у моста».

– А когда же он сделался Бристолем?

– Историки расходятся во мнениях, – ответил старик, – но Бристольский замок был построен Робертом Глостерским в тысяча сто девятом году, когда тот увидел благоприятную возможность для торговли шерстью с ирландцами. Впоследствии город превратился в торговый порт. С тех пор он сотни лет оставался центром кораблестроения и начал расти еще быстрее, когда в тысяча девятьсот четырнадцатом потребовалось развивать военно-морской флот.

– Мой отец сражался на Великой войне⁸, – с гордостью сообщил Гарри. – А вы?

Смоленый Джек впервые замешкался с ответом мальчику. Так и остался сидеть, не говоря ни слова.

– Простите, мистер Смоленый, – спохватился Гарри. – Я не хотел лезть не в свое дело.

– Нет-нет, – заверил его тот. – Просто мне уже много лет не задавали этого вопроса.

И, умолкнув, он раскрыл ладонь, на которой лежал шестипенсовик.

Гарри взял маленькую серебряную монетку и прикусил ее – он видел, как это делает дядя.

– Спасибо, – поблагодарил он и убрал ее в карман.

– Ступай и купи себе рыбы с картошкой в припортовом кафе. Только дяде не говори, а то он спросит, откуда деньги.

По правде сказать, Гарри никогда и ничего не рассказывал дяде о Смоленом. Однажды он слышал, как Стэн говорил его маме: «Этого полоумного следовало бы упрятать под замок». Мальчик спросил у мисс Манди, что значит «полоумный», поскольку не нашел этого слова в словаре, а когда услышал ответ, впервые понял, насколько глуп его дядя Стэн.

– Не обязательно глуп, – уточнила мисс Манди, – просто несведущ и потому предубежден. Не сомневаюсь, Гарри, – добавила она, – что в жизни тебе встретится еще немало подобных людей, причем некоторые из них будут занимать куда более высокое положение в обществе, чем твой дядя.

⁸ Великая война – другое название Первой мировой войны, использовавшееся до начала Второй мировой.

3

Мэйзи дождалась, когда хлопнет входная дверь, и убедилась, что Стэн ушел на работу. – Мне предложили место официантки в отеле «Рояль», – объявила она.

Никто из сидевших за столом ей не ответил – предполагалось, что беседа за завтраком должна следовать обычному порядку и никого не заставить врасплох. У Гарри возникла дюжина вопросов, но он выжидал, не заговорит ли первой бабушка. Та же сосредоточенно принялась наливать себе новую чашку чая, как будто вовсе не расслышала слов дочери.

– Может, кто-нибудь все же что-то скажет? – попросила Мэйзи.

– Я даже не знал, что ты ищешь новую работу, – отважился поддержать разговор Гарри.

– Я и не искала, – пояснила его мама. – Но на прошлой неделе мистер Фрэмpton, управляющий «Рояля», заглянул к Тилли выпить кофе. Он бывал там еще несколько раз, а затем предложил мне место!

– Мне казалось, тебе нравится в чайной, – заметила бабушка, все же вступая в беседу. – В конце концов, мисс Тилли хорошо платит, да и время удобное.

– Мне нравится, – признала мама Гарри, – но мистер Фрэмpton предлагает мне пять фунтов в неделю и половину всех чаевых. Я могла бы приносить домой по пятницам целых шесть фунтов.

Бабушка уставилась на нее, разинув рот.

– Тебе придется работать в вечернюю смену? – спросил Гарри, закончив вылизывать Стэнову миску из-под каши.

– Нет, не придется, – ответила Мэйзи, взъерошив сыну волосы, – и более того, раз в две недели у меня будет выходной.

– А что же ты наденешь для такого важного отеля, как «Рояль»? – спросила бабушка.

– Меня обеспечат формой и каждое утро будут выдавать чистый белый передник. У отеля есть даже собственная прачечная.

– Не сомневаюсь, – признала бабушка, – но я предвижу одно затруднение, с которым нам всем придется свыкнуться.

– И какое же, мама? – спросила Мэйзи.

– Может выйти так, что ты начнешь зарабатывать больше Стэна, а ему это ничуть не понравится.

– Ну так привыкнет, – заключил дедушка. Это была первая фраза, сказанная им за несколько недель.

Лишние деньги были весьма кстати, особенно после того, что произошло в церкви Святого Рождества. Мэйзи уже собиралась домой после службы, когда мисс Манди целеустремленно направилась к ней.

– Могу я побеседовать с вами наедине, миссис Клифтон? – спросила она, повернувшись и пошла обратно, к ризнице.

Мэйзи бросилась за ней, словно ребенок за гамельнским крысоловом. Она страшилась худшего. Что на сей раз натворил Гарри?

Следом за хормейстером она вошла в ризницу, и ее ноги подкосились, когда она увидела, что там собрались преподобный Уоттс, мистер Холкомб и еще какой-то джентльмен. Мисс Манди тихонько прикрыла дверь за ее спиной, и Мэйзи начала неудержимо дрожать.

Преподобный Уоттс приобнял ее за плечи.

– Вам не о чем беспокоиться, дорогая моя, – заверил ее он. – Напротив, я надеюсь, что вы увидите в нас гонцов, приносящих добрые вести, – добавил священник, предлагая ей сесть.

Женщина послушалась, но так и не смогла унять дрожь.

Когда все уселись, мисс Манди взяла дело в свои руки.

– Мы хотели поговорить с вами о Гарри, миссис Клифтон, – начала она.

Мэйзи поджала губы; что же такого мог учинить этот мальчишка, чтобы собрать столь важных людей?

– Не буду ходить вокруг да около, – продолжала хормейстер. – Преподаватель музыки из Святого Беды обратился ко мне с вопросом, не пожелает ли Гарри подать заявление на их стипендию для хористов.

– Но ему очень нравится в церкви Святого Рождества, – возразила Мэйзи. – И потом, где находится церковь Святого Беды? Никогда о ней не слышала.

– Это не церковь, – пояснила мисс Манди. – Это школа, готовящая певчих для церкви Святой Марии в Редклиффе, которую, как известно, королева Елизавета назвала самой прекрасной и благочестивой во всей стране.

– То есть ему придется оставить не только церковь, но и прежнюю школу? – уточнила Мэйзи, не веря своим ушам.

– Попробуйте посмотреть на это как на прекрасную возможность переменить его жизнь к лучшему, миссис Клифтон. – Это мистер Холкомб вступил в беседу.

– Но там же, наверное, учатся не простые дети?

– Сомневаюсь, что в школе Святого Беды найдется много детей умнее Гарри, – заметил мистер Холкомб. – Он самый смысленный паренек из всех, кого я когда-либо учил. И хотя время от времени кто-нибудь из ребят пробивается в классическую школу, ни одному нашему ученику еще не предлагали поступить в школу Святого Беды.

– Вам следует узнать еще кое-что, прежде чем вы примете решение, – вмешался преподаватель Уоттс.

Мэйзи встревожилась еще сильнее.

– Гарри не сможет жить дома в течение триместра, поскольку школа Святого Беды – пансион.

– Тогда об этом не может быть и речи, – заключила Мэйзи. – Я не могу себе этого позволить.

– Да не волнуйтесь вы так, – сказала ей мисс Манди. – Если Гарри дадут стипендию, школа не только откажется от платы, но и сама будет выплачивать ему десять фунтов в триместр.

– Но это же одна из тех школ, где учатся дети, отцы которых ходят в костюмах и при галстуках, а матери не работают? – спросила Мэйзи.

– Хуже того, – подхватила мисс Манди, пытаясь несколько разрядить обстановку. – Преподаватели там носят длинные черные мантии и шапки с квадратным верхом.

– По крайней мере, – подхватил преподаватель Уоттс, – Гарри не будут там пороть ремнем. Учителя в школе Святого Беды куда более разборчивы в методах воспитания. Они пользуются исключительно тростью.

Одна Мэйзи не рассмеялась.

– Но согласится ли он уехать из дому? – спросила она. – Он привык к Мерривуду и не захочет отказываться от места старшего хориста в церкви Святого Рождества.

– Должна признаться, мне эта утрата дастся тяжелее, чем ему, – заметила мисс Манди. – Но с другой стороны, я уверена, Господь не пожелал бы, чтобы я становилась на пути у столь одаренного ребенка лишь из-за собственных себялюбивых желаний, – тихо добавила она.

– Даже если я соглашусь, – выложила Мэйзи свою последнюю карту, – это не означает, что согласится и Гарри.

– Я говорил с мальчиком на прошлой неделе, – признался мистер Холкомб. – Конечно, его беспокоит предстоящее испытание, но, если я правильно помню, сам он выразился так:

«Я бы хотел попытаться, сэр, но только если вы считаете, что мне это по силам». Но, – добавил он прежде, чем Мэйзи успела вставить слово, – еще он ясно дал понять, что не станет даже рассматривать эту возможность, если его мать будет против.

Гарри переполняли ужас и восторг при одной мысли о вступительном экзамене, но возможность преуспеть и уехать из дому волновала его не меньше, чем риск провалиться и подвести стольких людей.

За весь следующий триместр он не пропустил ни одного урока в Мерривуде, а когда возвращался домой по вечерам, то сразу же поднимался в спальню, которую делил с дядей Стэном, где при свече часами изучал материи, о которых до сих пор не имел ни малейшего представления. Случалось, мать заставляла Гарри крепко спать на полу, в окружении открытых книг.

Каждую субботу по утрам он по-прежнему навещал Смоленого, который, похоже, немало знал о школе Святого Беды и продолжал учить Гарри множеству вещей, как будто представлял, на чем остановился мистер Холкомб.

По вечерам же в субботу, к изрядному неудовольствию дяди Стэна, племянник больше не ездил с ним на стадион «Эштон Гейт», а возвращался в Мерривуд, где мистер Холкомб давал ему дополнительные уроки. Пройдут еще годы, прежде чем Гарри догадается, что ради занятий с ним учитель тоже отказывался от привычных походов на матч, где болел за «малиновок»⁹.

С приближением экзамена Гарри страшился провала все больше, нежели возможного успеха.

В назначенный день мистер Холкомб проводил своего лучшего ученика в Кольстон-Холл¹⁰, где должен был проходить двухчасовой экзамен. Он оставил Гарри у входа в здание со словами: «Даже не трогай пера, пока не прочтешь вопрос дважды» – совет, который он за последнюю неделю повторил несколько раз. Мальчик вымученно улыбнулся, и они с мистером Холкомбом пожали друг другу руки, как закадычные друзья.

Он вошел в экзаменационный зал и обнаружил там около шестидесяти других ребят, стоявших небольшими группами и болтавших. Гарри стало ясно, что многие из них уже знакомы, в то время как он не знает никого. Несмотря на это, один или двое прервали разговор и оглянулись на него, когда он прошагал вперед, пытаясь держаться уверенно.

– Эбботт, Баррингтон, Кэбот, Клифтон, Дикинс, Фрай...

Гарри занял свое место за партой в первом ряду, и, всего за пару мгновений до того, как часы пробили десять, несколько преподавателей в длинных черных мантиях и академических шапках прошли по залу и разложили листы с вопросами перед каждым соискателем.

– Джентльмены, – произнес учитель, стоявший перед партами и не принимавший участия в раздаче бумаг, – меня зовут мистер Фробишер, я буду следить за порядком на экзамене. У вас есть два часа, чтобы ответить на сто вопросов. Желаю удачи.

Часы, которых Гарри не видел, пробили десять. Перья повсюду вокруг него окунулись в чернильницы и начали неистово царапать по бумаге, но Гарри только сложил руки на парте, склонился над листом и медленно прочел все вопросы. За перо он взялся одним из последних.

Гарри и знать не знал, что мистер Холкомб расхаживает взад-вперед по мостовой снаружи, волнуясь куда больше, чем его ученик. И что его мать, подавая утренний кофе, каждые несколько минут поглядывает на часы в вестибюле отеля «Рояль». А мисс Манди безмолвно молится, преклонив колени перед алтарем в церкви Святого Рождества.

⁹ «Малиновки» – прозвище английского футбольного клуба «Бристоль Сити» (из-за цвета формы).

¹⁰ Кольстон-Холл – концертный зал в Бристоле; раньше там располагалась школа Кольстона для мальчиков.

Работы были собраны за считанные мгновения после того, как часы пробили двенадцать, и мальчиков выпустили из зала: одни смеялись, другие хмурились, третьи пребывали в задумчивости.

Когда мистер Холкомб увидел Гарри, сердце его упало.

– Все настолько плохо? – спросил он.

Мальчик медлил с ответом, пока не удостоверился, что никто из ребят не подслушает его слов.

– Вообще такого не ожидал, – произнес он.

– Что ты имеешь в виду? – всполошился мистер Холкомб.

– Вопросы оказались слишком простыми, – пояснил Гарри.

Мистеру Холкомбу показалось, что он в жизни не слышал лучшей похвалы.

– Два костюма, мадам, серые. Один блейзер, темно-синий. Пять рубашек, белые. Пять крахмальных воротничков, белые. Шесть пар носков до икр, серые. Шесть комплектов нижнего белья, белые. И один галстук Святого Беды, – перечислил продавец, тщательно сверившись со списком. – Кажется, это все. Ох, нет, еще мальчику потребуется школьная кепка.

Он сунулся под прилавок, выдвинул ящик и, достав оттуда красную с черным кепку, надел ее на голову Гарри.

– Сидит превосходно, – объявил он.

Мэйзи с заметной гордостью улыбнулась, глядя на сына. Гарри был вылитый ученик Святого Беды.

– Это обойдется вам в три фунта, десять шиллингов и шесть пенсов, мадам.

Она постаралась по возможности скрыть смятение.

– Нельзя ли часть этих вещей приобрести подержанными? – прошептала она.

– Нет, мадам, мы не торгуем подержанными вещами, – сообщил продавец, уже решивший, что не откроет ей кредит.

Мэйзи достала кошелек, протянула ему четыре фунтовых банкноты и подождала сдачи. Хорошо хоть школа Святого Беды выплатила вперед стипендию за первый триместр, особенно если учесть, что ей еще предстояло приобрести две пары кожаных туфель – черных со шнурками, две пары спортивных туфель – белых со шнурками и одну пару тапочек, для спальни.

Продавец кашлянул:

– Еще мальчику понадобятся два комплекта пижамы и халат.

– Да, конечно, – согласилась Мэйзи, надеясь, что в кошельке хватит денег.

– И правильно ли я понимаю, что мальчик – хорист? – уточнил продавец, внимательней приглядевшись к списку.

– Да, это так, – с гордостью подтвердила она.

– Тогда ему понадобится одна сутана, красная, два стихаря, белых, и медальон Святого Беды.

Мэйзи захотелось выбежать из магазина.

– Эти предметы предоставит ему школа, когда он явится на первое занятие хора, – добавил продавец и протянул ей сдачу. – Будут ли у вас какие-нибудь еще пожелания, мадам?

– Нет, спасибо, – ответил Гарри, подхватил оба пакета, взял мать за руку и поспешно вывел ее из «Т. С. Марш, портные высшего класса».

Субботнее утро накануне дня, когда он должен был явиться в школу Святого Беды, Гарри провел со Смоленным Джеком.

– Волнуешься перед отъездом в новую школу? – спросил тот.

– Нет, вовсе нет, – с вызовом ответил мальчик.

Смоленый улыбнулся.

– Я просто в ужасе, – признался Гарри.

– Как всякий новенький «жук», как тебя будут называть. Представь, что отправляешься в путешествие к неведомым берегам, где все начинают равными.

– Но стоит им услышать, как я разговариваю, и все сразу поймут, что я им неровня.

– Возможно, но стоит им услышать, как ты поешь, и все сразу поймут, что они неровня тебе.

– Большинство из них из богатых семей, со слугами.

– Это утешит лишь самых глупых, – заметил Смоленый.

– А у некоторых в этой же школе учатся братья, а до них учились даже отцы и деды.

– Твой отец был хорошим человеком, – сказал старик, – и ни у кого из них нет лучшей матери, чем твоя, уж за это я могу поручиться.

– Вы знали моего отца? – спросил Гарри, не в силах скрыть удивления.

– Сказать, что знал, было бы преувеличением, – уточнил Смоленый, – но я наблюдал за ним издали, как и за многими, кто работал в порту. Он был достойным, отважным, богобоязненным человеком.

– А вы знаете, как он погиб? – продолжил допытываться Гарри, глядя собеседнику в глаза с надеждой, что наконец-то получит честный ответ на вопрос, который столь долго его тревожил.

– А что тебе рассказывали? – осторожно спросил Смоленый.

– Что он погиб на Великой войне. Но я родился в тысяча девятьсот двадцатом, и даже я смог подсчитать, что это невозможно.

Некоторое время старик молчал. Гарри замер на краешке сиденья.

– Он был серьезно ранен на войне, но ты прав, не это стало причиной его смерти.

– Тогда как же он умер?

– Если бы я знал, то рассказал бы тебе, – ответил Смоленый. – Но по округе тогда гуляло столько слухов, что я не нашел кому верить. Однако есть несколько человек – и трое в особенности, – кому, вне всякого сомнения, известна правда о том, что произошло той ночью.

– Наверняка один из них – мой дядя Стэн, – решил Гарри. – Но кто же двое остальных? Старый Джек помедлил, прежде чем ответить.

– Фил Хаскинс и мистер Хьюго.

– Мистер Хаскинс? Бригадир? – переспросил Гарри. – Он мне и слова не скажет. А кто такой мистер Хьюго?

– Хьюго Баррингтон, сын сэра Уолтера Баррингтона.

– Это семья, которая владеет судовой компанией?

– Именно, – подтвердил Смоленый, опасаясь, что зашел слишком далеко.

– И они тоже достойные, отважные и богобоязненные люди?

– Сэр Уолтер – из лучших, каких я когда-либо знал.

– А что насчет его сына, мистера Хьюго?

– Он, боюсь, слеплен из другого теста, – сообщил Смоленый без дальнейших объяснений.

4

Нарядно одетый мальчик восседал рядом с матерью на заднем сиденье трамвая.

– Вот наша остановка, – сообщила та, когда вагон сбавил ход.

Они сошли и неспешно направились вверх по склону холма к школе, с каждым шагом идя все медленнее.

Гарри одной рукой держался за ладонь матери, а в другой сжимал ручку потрепанного чемодана. Оба молчали, наблюдая, как перед воротами школы останавливались хэнсомовские кебы¹¹ и редкие машины с шоферами.

Отцы пожимали сыновьям руки, а укутанные в меха матери обнимали отпрысков, прежде чем клюнуть их в щечку, как птицы, с неохотой вынужденные признать, что птенцы вот-вот вылетят из гнезда.

Гарри не хотелось, чтобы мама целовала его перед другими мальчишками, и он выпустил ее руку, когда до ворот оставалось еще ярдов пятьдесят. Мэйзи, почувствовав его неловкость, нагнулась и торопливо чмокнула сына в лоб.

– Удачи, Гарри. Постарайся, чтобы мы могли гордиться тобой.

– До свиданья, мам, – ответил он, сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

Мэйзи повернулась и начала спускаться с холма. По ее щекам лились слезы.

Гарри пошел вперед, вспоминая дядин рассказ о том, как они выскакивали из окопов под Ипром и бросались на строй противника. «Только не оглядывайся, или тебе конец». Мальчику хотелось оглянуться, но он знал, что если поддастся, то бросится бежать и не остановится, пока не окажется в безопасности, в вагоне трамвая. Он стиснул зубы и двинулся дальше.

– Хорошо провел каникулы, старина? – расспрашивал приятеля какой-то мальчик.

– Превосходно, – отвечал тот. – Отец взял меня в «Лордз»¹² на университетские соревнования.

Гарри задумался, что такое «Лордз» – не церковь ли, и если да, то что за соревнования могут проходить в церкви? Он решительно вошел в ворота и остановился, узнав человека, стоявшего у дверей школы с планшетом для бумаг в руках.

– И кто же вы, молодой человек? – спросил тот, приветливо улыбнувшись Гарри.

– Гарри Клифтон, сэр, – ответил мальчик, сдергивая кепку, как велел ему делать мистер Холкомб всякий раз, когда с ним заговорит учитель или дама.

– Клифтон, – повторил преподаватель, скользя пальцем по длинному списку имен. – А, вот.

Он отметил галочкой фамилию Гарри.

– Так... Значит, хорист. Мои поздравления, и добро пожаловать в школу Святого Бёды. Я мистер Фробишер, заведующий вашим пансионом, а это дом Фробишера. Если вы оставите чемодан в вестибюле, староста проводит вас в столовую, где перед ужином я обращаюсь к новичкам.

Гарри еще ни разу в жизни не ужинал. Чай всегда был последней трапезой в доме Клифтонов, после которой его отсылали в постель, как только за окном смеркалось. Электричество еще не добралось до Стилл-Хаус-лейн, а лишние деньги заводились в семье слишком редко, чтобы тратить их на свечи.

¹¹ *Хэнсомовский кеб* – самый известный вид кеба, двухместный двухколесный конный экипаж, где кучер располагался сверху и сзади.

¹² «*Лордз*» – известный крикетный стадион в Лондоне, названный в честь Томаса Лорда. Гарри принимает его за церковь, потому что слово «лорд», помимо фамилии или титула, может означать «Господь».

– Спасибо, сэр, – отозвался Гарри и шагнул за дверь, в просторный вестибюль, обшитый панелями из полированного дерева.

Он поставил чемодан на пол и поднял взгляд на портрет пожилого мужчины с седыми волосами и кустистыми белыми бакенбардами, облаченного в длинную черную мантию с откинутым красным капюшоном.

– Как тебя зовут? – рявкнул голос из-за его спины.

– Клифтон, сэр, – ответил Гарри и повернулся к высокому мальчику в длинных брюках.

– Не обращай ко мне «сэр», Клифтон. Зови меня Фишер. Я староста, а не преподаватель.

– Простите, сэр, – извинился Гарри.

– Оставь чемодан здесь и следуй за мной.

Мальчик оставил свой подержанный, потрепанный чемодан рядом с чужими. Чемодан был единственным на котором не были оттиснуты инициалы. Он направился вслед за старостой по длинному коридору, по стенам которого тянулись фотографии прежних школьных команд и шкафы-витрины, заполненные серебряными кубками, чтобы напоминать будущим поколениям о былой славе.

– Садись где захочешь, Клифтон, – сказал Фишер, когда они добрались до столовой. – И перестань болтать, как только войдет мистер Фробишер.

Гарри помешкал, прежде чем выбрал, за который из четырех длинных столов ему сесть. Несколько ребят уже бродили вокруг, собираясь группками и негромко разговаривая. Он медленно прошел в дальний угол зала и занял место в конце стола. Затем поднял взгляд и увидел, как в столовую входят еще несколько мальчиков, на вид не менее растерянных, чем он сам. Один из них подошел и сел рядом с Гарри, а другой устроился напротив, и они продолжили болтать, как будто его вовсе тут не было.

Без предупреждения прозвонил колокол, и все умолкли, когда в столовую вошел мистер Фробишер. Он занял место за кафедрой, которой Гарри сперва не заметил, и подергал отвороты мантии.

– Добро пожаловать, – начал он и приподнял академическую шапку, приветствуя собравшихся. – Сегодня первый день вашего первого триместра в школе Святого Беды. Вскоре вам предстоит первая школьная трапеза, и могу вас заверить, что со временем она лучше не станет.

Пара мальчиков напряженно рассмеялись.

– Как только отужинаете, вас отведут в спальни, где вы распакуете вещи. В восемь часов услышите еще один колокол. Тот же самый, только звонят в него в другое время.

Гарри улыбнулся, хотя большинство ребят не поняли шутки мистера Фробишера.

– Тридцать минут спустя все тот же колокол прозвонит снова, и тогда же вы отправитесь в постель, но не раньше чем умоетесь и почистите зубы. Дальше у вас будет полчаса на чтение до того, как погасят свет, а затем вы отойдете ко сну. Всякий ребенок, которого застанут за разговорами после отбоя, будет наказан дежурным старостой. Больше вы не услышите колокола, – продолжал мистер Фробишер, – до шести тридцати завтрашнего утра, когда подниметесь, умоетесь и оденетесь так, чтобы успеть явиться в столовую до семи. Всякий опоздавший останется без завтрака.

Утреннее собрание состоится в восемь в большом зале, где к нам обратится директор. За ним в восемь тридцать последует ваш первый урок. Утром их будет три, по часу каждый, с десятиминутными переменами для перехода из класса в класс. Далее, в двенадцать, обед. После полудня пройдут еще два урока, а затем вы будете играть в футбол.

Гарри улыбнулся во второй раз.

– Играть обязательно для всех, кто не является участником хора.

Мальчик нахмурился. Никто не сказал ему, что хористы не играют в футбол.

– После игр или репетиций хора вы вернетесь в дом Фробишера на ужин, за которым последует часовая подготовка к занятиям, а затем отправитесь в постель, где опять же сможете читать до отбоя – но только если книгу одобрит матрона¹³, – добавил мистер Фробишер. – Должно быть, все это вас ошеломляет...

Гарри мысленно взял на заметку посмотреть это слово в словаре, который подарил ему мистер Холкомб. Мистер Фробишер снова поддергал мантию за отвороты.

– Но не волнуйтесь, – продолжил он, – вскоре вы привыкнете к нашим бедийским традициям. Пока это все, что я намеревался вам сказать. Можете ужинать, приятного аппетита. Доброй ночи, мальчики.

– Доброй ночи, сэр, – хватило духа ответить нескольким ребятам перед тем, как мистер Фробишер вышел из зала.

Гарри даже не шелохнулся, когда несколько женщин в фартуках прошли вдоль столов, расставив тарелки с супом перед каждым школьником. Он внимательно следил за тем, как мальчик напротив взял ложку непривычной формы, погрузил ее в суп и зачерпнул от себя, после чего отправил в рот. Гарри попытался повторить движение, но привело это лишь к тому, что он пролил несколько капель на стол, а когда все-таки ухитрился донести остатки до рта, большая часть стекла по подбородку. Он утер рот рукавом. Это много внимания не привлекло, но стоило ему громко хлюпнуть на очередной ложке, как несколько мальчиков прекратили есть и уставились на него. Смущенный, Гарри положил ложку на стол и оставил суп остывать.

На второе подали рыбные котлеты, и Гарри не пошевелился, пока не увидел, какую вилку выбрал мальчик напротив. С удивлением он заметил, что тот, съев кусочек, каждый раз клал нож и вилку на тарелку, в то время как сам Гарри сжимал столовые приборы крепко, как вилы.

Между этим мальчиком и соседом Гарри завязалась беседа об охоте верхом. Сам Гарри не присоединился – отчасти из-за того, что для него самым близким к верховой езде опытом было катание на ослике за полпенса однажды на выходных в Уэстон-сьюпер-Мэр.

Как только тарелки унесли, их сменил десерт – или то, что его мама называла лакомствами, поскольку ему они нечасто доставались. Новая ложка, новый вкус, новая ошибка. Гарри не догадался, что банан существенно отличается от яблока, и, к изумлению окружающих, попытался съесть его с кожурой. Может, для остальных мальчиков их первый урок и состоится завтра в половине девятого утра, но для Гарри он уже начался.

Когда со столов убрали, вернулся Фишер и как дежурный староста повел подопечных вверх по широкой деревянной лестнице к спальням на втором этаже. Гарри вошел в комнату, где тридцать кроватей аккуратно выстроились тремя рядами по десять. На каждой лежала подушка, две простыни и два одеяла. У Гарри никогда прежде не было ничего по две штуки.

– Это спальня новых жуков, – презрительно бросил Фишер. – Здесь вы останетесь до тех пор, пока не цивилизуетесь. Свои имена в алфавитном порядке найдете в изножье каждой кровати.

Гарри с удивлением обнаружил на постели свой чемодан и задумался, кто же его туда положил. Мальчик по соседству уже распаковывал вещи.

– Я Дикинс, – представился он и сдвинул очки повыше, чтобы внимательнее присмотреться к Гарри.

– Я Гарри. Летом на экзамене я сидел рядом с тобой. Не могу поверить, что ты за час ответил на все вопросы.

Дикинс покраснел.

¹³ *Матрона* (от лат. «мать») – женщина, заведующая внутренними делами школы, совмещает обязанности экономки, медсестры и кастелянши. Эта должность до сих пор существует в некоторых британских школах-интернатах.

– Вот почему он стипендиат, – заметил мальчик по другую сторону.

Гарри развернулся к нему.

– А ты тоже стипендиат? – спросил он.

– Силы небесные, нет, – отозвался мальчик, продолжая раскладывать вещи. – Единственная причина, по которой меня приняли в школу Святого Беды, – это то, что здесь учились мои отец и дед. Я третье поколение, которое сюда поступает. А ваши отцы тут, случаем, не учились?

– Нет, – хором заявили Гарри и Дикинс.

– Хватит болтать! – прикрикнул Фишер. – Продолжайте распаковывать чемоданы.

Гарри открыл свой, стал вынимать оттуда одежду и аккуратно раскладывать ее по двум ящикам прикроватного шкафчика. Мать положила среди рубашек плитку шоколада «Фрайс файв бойз». Он спрятал ее под подушку.

Прозвонил колокол.

– Время раздеваться! – объявил Фишер.

Гарри никогда еще не раздевался при другом мальчике, не говоря уже о целой компании. Он отвернулся лицом к стене, медленно снял одежду и поспешно натянул пижаму. Завязав пояс халата, он следом за другими ребятами направился в умывальную. И снова он внимательно следил за тем, как они моют лица мягкими фланелевыми мочалками, а затем чистят зубы. У него не было ни мочалки, ни зубной щетки. Мальчик с ближней кровати порывшись в мешочке с умывальными принадлежностями и протянул ему новенькую щетку и тюбик зубной пасты. Гарри не хотел их брать, пока сосед не заверил его:

– Моя мать всегда кладет все по две штуки.

– Спасибо, – отозвался Гарри.

Хотя зубы он почистил быстро, но в спальню все равно вернулся одним из последних. Он забрался в постель: две чистых простыни, два одеяла и мягкая подушка. Оглядевшись, он увидел, что Дикинс читает учебник латыни Кеннеди.

– Подушка твердая как камень, – тут же заметил тот.

– Хочешь, поменяемся? – предложил Гарри.

– Думаю, все они одинаковы, – с улыбкой сообщил мальчик, – но спасибо.

Гарри вытащил из-под подушки плитку шоколада и разломил ее на три части. Один кусок он протянул Дикинсу, а другой – мальчику, который одолжил ему зубную щетку и пасту.

– Как видно, твоя матушка куда благоразумнее моей, – заметил тот, откусив кусочек.

Еще один колокол.

– Кстати, меня зовут Джайлз Баррингтон. А тебя?

– Клифтон. Гарри Клифтон.

Гарри долго не мог заснуть, и не только из-за непривычно удобной кровати. Не давала покоя мысль: а вдруг Джайлз приходится родственником одному из трех людей, знавших правду о том, как умер его отец? И если так, то слеплен он из одного теста с отцом или с дедом?

Внезапно Гарри почувствовал себя невыразимо одиноко. Он открутил колпачок от тюбика зубной пасты, отданного ему Баррингтоном, и принялся сосать его, пока не уснул.

Когда уже знакомый колокол прозвонил следующим утром в половине седьмого, Гарри медленно, ощущая дурноту, выбрался из постели. Следом за Дикинсом он отправился в умывальную, где обнаружил Джайлза, пробовавшего воду.

– Как по-вашему, здесь вообще слышали о горячей воде? – спросил тот.

Только Гарри собрался ответить, как их окликнул староста.

– Никаких разговоров в умывальной! – рявкнул он.

– Он хуже прусского генерала, – заметил Баррингтон, щелкнув каблуками.

Гарри прыснул.

– Кто это был? – спросил Фишер, мрачно воззрившись на двух мальчишек.

– Я, – без промедления ответил Гарри.

– Имя?

– Клифтон.

– Только открой еще раз рот, Клифтон, и получишь горячих.

Гарри понятия не имел, что значит «горячие», но подозревал, что приятного в этом мало. Почистив зубы, он поспешно вернулся в спальню и переоделся, не проронив больше ни звука. Закончив возиться с галстуком – еще одна проблема, дававшаяся ему с трудом, – он нагнал Баррингтона и Дикинса, спускавшихся по лестнице в столовую.

Никто не произнес ни слова, поскольку они не были уверены, разрешалось ли им разговаривать на лестнице. Когда они рассаживались перед завтраком в столовой, Гарри втиснулся между двумя новыми друзьями и принялся наблюдать, как расставляют тарелки с овсянкой перед каждым мальчиком. Он с облегчением обнаружил, что перед ним лежит всего одна ложка, так что на этот раз ошибиться ему не светит.

Гарри проглотил кашу так быстро, как будто опасался, что появится дядя Стэн и выхватит у него еду. Закончил он первым и, не думая ни секунды, положил на стол ложку, взял тарелку и принялся ее вылизывать. Несколько других ребят уставились на него с недоверием, кто-то показывал пальцем, другие давились смехом. Он залился ярко-малиновым румянцем и поставил посуду. И расплакался бы, не возьми Баррингтон собственную тарелку и не примись вылизывать ее тоже.

5

Преподобный Сэмюэл Оукшотт, магистр искусств Оксфордского университета, стоял, широко расставив ноги, посреди сцены. Он благожелательно взирал сверху вниз на свою паству – похоже, именно так директор школы Святого Беды воспринимал учеников.

Гарри, сидевший в первом ряду, во все глаза разглядывал возвышавшуюся над ним пугающую фигуру. Доктор Оукшотт ростом был заметно выше шести футов, с густой седеющей шевелюрой и длинными кустистыми бакенбардами, из-за которых он выглядел еще более устрашающим. Его темно-синие глаза пронизывали насквозь; казалось, он вообще никогда не моргает, а сетка морщин на лбу намекала на великую мудрость. Перед тем как обратиться к мальчикам, он прокашлялся.

– Собратья бедийцы, – начал он. – И снова мы собрались все вместе с началом нового учебного года, без сомнения готовые встретить любые испытания, которые нас ожидают. Обращаюсь к старшим мальчикам. – Он сосредоточил внимание на задних рядах. – Вы не должны терять ни мгновения, если рассчитываете на место в выбранной вами школе. Но никогда не довольствуйтесь вторыми местами. Для средних классов, – он перевел взгляд на середину зала, – настало время определить, кому какие вершины предстоит взять. Когда вы вернетесь сюда в следующем году, станете ли вы старостой или капитаном спортивной команды? Или будете просто значиться в числе участников?

Несколько мальчиков понурились.

– Следующая наша обязанность – приветствовать новичков и сделать все, что в наших силах, чтобы они чувствовали себя как дома. Им впервые протянули эстафетную палочку в начале долгого жизненного забега. И если темп окажется слишком обременительным, один или двое из вас могут сойти с дистанции, – предостерег он, опустив взгляд на первые три ряда. – Школа Святого Беды не для слабых духом. Так что никогда не забывайте слова великого Сесила Родса¹⁴: «Если вам повезло родиться англичанином, вы уже вытянули счастливый билет в жизненной лотерее».

Собравшиеся разразились стихийной овацией, директор сошел со сцены, а следом за ним потянулась вереница преподавателей. Так они и вышли с директором во главе из зала под свет утреннего солнца.

Воодушевленный Гарри твердо решил не подводить директора. Он направился следом за старшими мальчиками, но стоило ему выйти на школьный двор, как весь его восторг испарился. Компания ребят постарше околачивалась в углу, засунув руки в карманы, чтобы подчеркнуть, кто здесь главный.

– А вот и он, – объявил один из них, указывая на Гарри.

– Так вот как выглядит уличный попрошайка, – заметил другой.

– Он настоящее животное, – добавил третий, в котором Гарри узнал Фишера – старосту, дежурившего накануне вечером, – и наша прямая обязанность – проследить, чтобы он как можно скорее вернулся в естественную среду обитания.

Джайлз Баррингтон нагнал нового приятеля.

– Не обращай внимания, – посоветовал он, – скоро им это наскучит, и они привяжутся к кому-нибудь другому.

Гарри это не убедило, и он бегом бросился в класс, где подождал, пока к нему не присоединятся Баррингтон и Дикинс.

¹⁴ Сесил Джон Родс (1853–1902) – британский империалист, политик и бизнесмен, поддерживал английскую колониальную экспансию в Южной Африке.

Мгновением позже в дверь вошел мистер Фробишер, и Гарри подумал: неужели и тот считает его уличным попрошайкой, недостойным места в школе Святого Беды?

– Доброе утро, мальчики, – поздоровался с учениками мистер Фробишер.

– Доброе утро, сэр, – ответили те, пока их классный наставник занимал место перед доской.

– Вашим первым уроком, – объявил учитель, – будет история. Мне не терпится с вами познакомиться, поэтому мы начнем с простого опроса, чтобы выяснить, как много вы уже выучили – или, наоборот, как мало. Сколько жен было у Генриха Восьмого?

Несколько рук взлетело в воздух.

– Эбботт, – произнес мистер Фробишер, сверившись со списком, лежавшим перед ним на столе и указав на мальчика в первом ряду.

– Шесть, сэр, – последовал немедленный ответ.

– Хорошо, но может ли кто-нибудь их перечислить?

Поднялось уже куда меньше рук.

– Клифтон?

– Екатерина Арагонская, Анна Болейн, Джейн Сеймур, потом еще одна Анна, кажется, – назвал тот и умолк.

– Анна Клевская. Может кто-нибудь назвать двух оставшихся?

Лишь одна рука осталась в воздухе.

– Дикинс, – вызвал Фробишер, опять ткнувшись носом в список.

– Екатерина Говард и Екатерина Парр. Анна Клевская и Екатерина Парр пережили Генриха.

– Очень хорошо, Дикинс. Теперь давайте переведем часы на пару веков вперед. Кто командовал нашим флотом в Трафальгарском сражении?

Взлетели все руки.

– Мэтьюс, – выбрал учитель, кивнув особенно настойчивому из тянувших руку.

– Нельсон, сэр.

– Верно. А кто был премьер-министром в то время?

– Герцог Веллингтон, сэр, – ответил Мэтьюс уже не так уверенно.

– Нет, – возразил мистер Фробишер, – Веллингтон им не был, хоть он и был современником Нельсона.

Он обвел взглядом класс, но только руки Клифтона и Дикинса еще оставались подняты.

– Дикинс.

– Питт Младший, с тысяча семьсот восемьдесят третьего по тысяча восемьсот первый и с тысяча восемьсот четвертого по тысяча восемьсот шестой.

– Правильно, Дикинс. А когда был премьер-министром Железный герцог?¹⁵

– С тысяча восемьсот двадцать восьмого по тысяча восемьсот тридцатый и еще раз в тысяча восемьсот тридцать четвертом году, – ответил Дикинс.

– А может ли кто-нибудь мне назвать самую знаменитую его победу?

В первый раз в воздух взлетела рука Баррингтона.

– Ватерлоо, сэр! – выкрикнул он, пока мистер Фробишер не успел выбрать кого-нибудь другого.

– Да, Баррингтон. А кого Веллингтон разбил при Ватерлоо?

Баррингтон промолчал.

– Наполеона, – шепнул Гарри.

– Наполеона, сэр, – уверенно повторил Баррингтон.

¹⁵ Железный герцог – прозвище Артура Уэсли, первого герцога Веллингтона.

– Верно, Клифтон, – улыбнувшись, подтвердил Фробишер. – А Наполеон тоже был герцогом?

– Нет, сэр, – отозвался Дикинс, не увидев ни одного желающего ответить. – Он основал первую Французскую империю и провозгласил себя императором.

Мистера Фробишера не удивили ответы Дикинса, как-никак, а он заслужил открытую стипендию¹⁶, но познания Клифтона его впечатлили. Ведь тот поступил в школу как хорист, а за годы работы преподаватель убедился, что одаренные певчие, равно как и талантливые спортсмены, редко блистают вне своей области. Клифтон уже показал себя исключением из этого правила. Мистеру Фробишеру хотелось бы знать, кто учил мальчика прежде.

– Следующим уроком у вас будет география с мистером Хендерсоном, – объявил он, когда прозвенел колокол, отмечая конец урока, – а он не любит, если его заставляют ждать. Советую вам за время перемены найти его класс и рассесться по местам задолго до того, как он войдет в помещение.

Гарри решил держаться Джайлза, который, похоже, точно знал, где что находится. Пока они вдвоем пересекали школьный двор, он заметил, что некоторые ребята понижали голос, когда они проходили мимо, а кое-кто даже повернулся и открыто уставился на него.

Благодаря бесчисленным субботним утркам, проведенным со Смоленым, Гарри не сдал позиций на уроке географии, но на математике, последнем утреннем занятии, Дикинс далеко превзошел всех товарищей, и даже учитель не мог позволить себе расслабиться.

Когда они втроем уселись обедать, Гарри кожей ощутил взгляды доброй сотни глаз, следивших за каждым его движением. Он притворился, будто не замечает их, и принялся повторять за Джайлзом все, что тот делал.

– Приятно знать, что и я могу тебя чему-то научить, – заметил тот, чистя ножом яблоко.

Гарри понравился его первый урок химии, состоявшийся после обеда, особенно когда учитель разрешил ему зажечь бунзеновскую горелку. Но ему не удалось отличиться на природоведении, последнем уроке дня, поскольку у него единственного при доме не было сада.

Когда прозвонил последний колокол, остальные ученики отправились играть в футбол, а Гарри явился в капеллу на первую репетицию хора. И снова он заметил, что все на него глядят, хотя на сей раз по более уместной причине.

Но стоило ему выйти из капеллы, как со всех сторон посыпались все те же приглушенные насмешки от ребят, возвращавшихся с игрового поля.

– А это, случаем, не наш уличный попрошайка? – спросил один.

– Какая жалость, у него даже собственной зубной щетки нет, – заметил другой.

– Мне рассказали, что он ночует в порту, – поделился третий.

Дикинса и Баррингтона нигде не было видно, и Гарри поспешил обратно в свой корпус, избегая по пути любых мальчишеских компаний.

За ужином на него главели уже не так открыто, но только из-за Джайлза, который ясно дал понять всем, кто его слышал, что дружит с Гарри. Но и он ничем не смог помочь, когда они все поднялись в спальню после подготовки к завтрашним урокам и обнаружили Фишера, стоявшего у дверей и явно намечавшего себе жертву.

– Прошу прощения за запах, джентльмены, – громко объявил староста, когда мальчики начали раздеваться, – но один из вас прибыл из дома, где нет ванны.

Кое-кто из мальчиков хихикнул, надеясь угодить Фишеру. Гарри пропустил их смешки мимо ушей.

– И кстати, не только ванны – у этого беспризорника даже отца нет.

– Мой отец был хорошим человеком, он сражался за свою страну на войне, – с гордостью возразил Гарри.

¹⁶ Открытая стипендия присуждается по результатам отлично сданных экзаменов.

– А с чего это ты решил, что я о тебе говорю, Клифтон? – поинтересовался Фишер. – Разве что ты и есть тот самый тип, у которого мамаша работает... – Он выразительно помолчал. – Официанткой в отеле.

– Официанткой, – поправил его Гарри.

Фишер взялся за тапок.

– Не хаами, Клифтон! – гневно потребовал он. – Нагнись и упрись руками в кровать.

Мальчик повиновался, и Фишер шесть раз ударил его подошвой с такой свирепостью, что Джайлз был вынужден отвернуться. Гарри забрался в постель, изо всех сил сдерживая слезы.

– С нетерпением жду нашей следующей встречи завтра вечером, – добавил Фишер перед тем, как выключить свет, – когда я продолжу повесть о Клифтонах со Стилл-Хауслейн. Вам еще предстоит услышать о дяде Стэне.

Назавтра Гарри впервые узнал о том, что его дядя провел восемнадцать месяцев в тюрьме за кражу со взломом. Это открытие задело его сильнее, чем трепка накануне. Он улегся в постель, гадая, не может ли оказаться так, что его отец все еще жив, но сидит в тюрьме, и именно поэтому никто в доме никогда о нем не говорит.

Мальчик почти не смыкал глаз третью ночь подряд, и никакие успехи в классе или в капелле не могли его отвлечь от постоянных мыслей о следующем неизбежном столкновении с Фишером. Малейший повод – капля воды, брызнувшая на пол умывальной, криво положенная подушка, сползший на щиколотку носок – гарантировал, что его ждут шесть горячих от дежурного старосты, причем наказание осуществлялось на глазах всех, но не раньше чем Фишер перескажет очередной эпизод из «Хроник Клифтонов». К пятой ночи Гарри был сыт по горло таким обращением, и даже Джайлз с Дикинсом больше не могли его утешить.

В пятницу вечером, в течение всего часа, отведенного на подготовку к урокам, пока остальные ребята листали страницы латинского учебника Кеннеди, он, пренебрегая Цезарем и галлами, обдумывал план, который навсегда избавит его от придирок Фишера. И к тому времени, как он лег в постель – не раньше чем староста обнаружил около его кровати обертку от шоколадки и в очередной раз ему всыпал, – все уже было решено. После отбоя он долго лежал без сна, но даже не шелохнулся, пока не убедился, что все вокруг заснуло.

Гарри понятия не имел, в котором часу он выскользнул из постели. Он бесшумно оделся, прокрался между кроватями к дальней стене и распахнул окно. Оттуда повеяло холодом, и спавший поблизости заворочался. Гарри выбрался на пожарную лестницу и осторожно прикрыл окно, прежде чем слезть на землю. Затем он по краю обогнул газон, по возможности укрываясь в тени от полной луны, высвечивавшей его, словно прожектор.

С ужасом мальчик обнаружил, что школьные ворота заперты. Он двинулся вдоль стены, выискивая малейшую трещинку или выбоинку, с помощью которой смог бы преодолеть эту преграду и вырваться на свободу. Наконец он заметил выпавший кирпич и сумел подтянуться и усесться на стену верхом. Гарри сполз по другую сторону, повиснув на кончиках пальцев, мысленно помолился и прыгнул. Приземлился он не слишком удачно, но вроде бы ничего не сломал.

Едва опомнившись, он побежал по дороге, поначалу медленно, но затем все быстрее и быстрее и не останавливался, пока не добрался до порта. Ночная смена как раз возвращалась с работы, и Гарри с облегчением обнаружил, что его дяди не видно.

Когда последний портовый рабочий скрылся из виду, мальчик медленно пошел вдоль пристаней, мимо ряда пришвартованных кораблей, тянувшегося вдаль, сколько хватал глаз. Он заметил гордую букву «Б», украшавшую одну из труб, и вспомнил о друге, который сейчас, должно быть, крепко спит. Будет ли он... Но его размышления прервались, когда он остановился перед железнодорожным вагоном Смоленого.

Гарри задумался было, не спит ли, случаем, и Смоленый, но тут же получил ответ на свой вопрос.

– Нечего там торчать, Гарри, – послышался голос, – заходи внутрь, пока не зачоченел до смерти.

Мальчик открыл дверь вагона. Смоленый Джек уже чиркал спичкой, пытаясь зажечь свечу. Гарри плюхнулся на сиденье напротив.

– Ты сбежал? – спросил его Смоленый.

Этот прямой вопрос настолько застал Гарри врасплох, что он замешкался.

– Да, – наконец выпалил Гарри.

– И поэтому пришел рассказать мне, по какой причине принял столь важное решение.

– Я ничего не решал, – возразил Гарри. – Все решили за меня.

– И кто же?

– Его зовут Фишер.

– Учитель или ученик?

– Староста нашей спальни, – поморщился Гарри.

Затем он рассказал Смоленому обо всем, что произошло за его первую неделю в школе Святого Беды.

И снова старик застал его врасплох.

– Это моя вина, – заключил он, когда рассказ подошел к концу.

– Почему? – удивился Гарри. – Вы не могли сделать для меня больше, чем уже сделали.

– Нет, мог, – возразил Смоленый. – Мне следовало подготовить тебя к такому виду поведения в обществе, которым не может похвастаться ни один другой народ на земле. Мне стоило подробнее остановиться на важности галстука старой школы¹⁷, а не на географии и истории. Я отчасти надеялся на перемены после войны, которая должна положить конец всем войнам¹⁸, но в школе Святого Беды все, очевидно, осталось по-старому. – Задумчиво помолчав, он наконец спросил: – И что же ты собираешься делать дальше, мальчик мой?

– Убегу в море. Я завербуюсь на любой корабль, который меня возьмет, – заявил Гарри, пытаясь придать своему голосу бодрость.

– Прекрасная мысль, – одобрил Смоленый. – Почему бы и не сыграть на руку этому Фишеру?

– Что вы имеете в виду?

– Ну как же, ничто так не порадует Фишера, как возможность рассказать друзьям, что у уличного попрошайки оказалась кишка тонка – с другой стороны, а чего вы ждали от сына портового рабочего и официантки?

– Но Фишер прав. Я ему неровня.

– Нет, Гарри, твоя беда в том, что Фишер сам понимает: это он тебе неровня и никогда ею не станет.

– Вы хотите сказать, что мне следует вернуться в это ужасное место?

– В конечном счете это решение никто не может принять за тебя, – заметил Смоленый. – Но если ты будешь убегать при всякой встрече с фишерами этого мира, то закончишь, как я, оставшись просто в числе участников жизненного забега, как выразился твой директор.

– Но вы замечательный человек, – возразил Гарри.

– Я мог бы им стать, – поправил Смоленый, – если бы не сбежал, когда встретился со своим Фишером. Но я предпочел легкий выход и думал при этом только о себе.

¹⁷ *Галстук старой школы* – символ уз, связывающих выпускников одного привилегированного учебного заведения, и их принадлежности к правящему классу.

¹⁸ Войной, которая должна положить конец всем войнам, называли Первую мировую. Выражение в 1914 г. ввел в употребление Герберт Уэллс, утверждавший, что войнам может положить конец только разгром немецкого милитаризма. Изначально оно имело идеалистический характер, но впоследствии приобрело иронический оттенок.

– А о ком еще нужно думать?

– Для начала о твоей матери, – сказал Смолений. – Вспомни о жертвах, на которые она пошла, чтобы дать тебе возможность достичь в жизни чего-то большего. Потом, есть еще мистер Холкомб – если он узнает, что ты удрал, то, вероятно, сочтет это своей виной. И не забудь о мисс Манди, которая просила об одолжениях, выкручивала руки и потратила бесчисленные часы, убеждаясь, что ты достаточно хорош, чтобы заслужить эту стипендию хориста. И, раз уж речь зашла о всех за и против, я предложил бы тебе, Гарри, поместить Фишера на одну чашу весов, а Баррингтона и Дикинса на другую. И я подозреваю, что первый вскоре поблекнет до полного ничтожества, в то время как последние останутся твоими близкими друзьями до конца дней. А если ты смоешься, им придется постоянно выслушивать напоминания Фишера о том, что ты оказался вовсе не тем человеком, за которого они тебя принимали.

Некоторое время Гарри молчал. Затем медленно поднялся на ноги.

– Спасибо, сэр, – произнес он и, не добавив больше ни слова, открыл дверь и вышел наружу.

Мальчик медленно прошел вдоль причалов, снова разглядывая огромные торговые суда, которые вскоре все отправятся в далекие порты. Он не ускорял шага, пока не добрался до ворот верфи, а там перешел на бег и устремился обратно в город. К тому времени, как он оказался у школьных ворот, те уже были открыты, а часы в большом зале готовились пробить восемь раз.

Несмотря на телефонный звонок, мистеру Фробишеру все равно пришлось бы зайти к директору и доложить об отсутствии одного из своих подопечных. Но, выглянув из окна кабинета, он заметил мелькавшего среди деревьев Гарри, украдкой пробиравшегося к зданию. С последним боем часов мальчик осторожно открыл входную дверь и оказался лицом к лицу со своим классным наставником.

– Вам стоит поторопиться, Клифтон, – посоветовал мистер Фробишер, – или вы пропустите завтрак.

– Да, сэр, – выпалил Гарри и бегом припустил по коридору.

Он едва успел к столовой до того, как закрылись двери, и проскользнул на привычное место между Баррингтоном и Дикинсом.

– А я уж подумал, что сегодня утром один буду вылизывать тарелку, – заметил Джайлз.

Гарри расхохотался.

В тот день он ни разу не столкнулся с Фишером и с удивлением обнаружил, что на вечернем дежурстве по спальне того сменил другой староста. В первый раз за всю эту неделю мальчик выпался.

6

«Роллс-ройс» въехал в ворота особняка и преодолел длинную подъездную дорожку, по сторонам от которой, словно часовые, выстроились высокие дубы. Гарри насчитал шесть садовников еще до того, как разглядел сам дом.

За время их учебы в школе Святого Беды Гарри составил некоторое представление о том, как живет Джайлз, но к такому зрелищу оказался не подготовлен. Когда он впервые увидел особняк, его рот как открылся, так и остался разинутым.

– Начало восемнадцатого века, я бы предположил, – заметил Дикинс.

– Неплохо, – одобрил Джайлз. – Тысяча семьсот двадцать второй, архитектор Ванбру. Но, бьюсь об заклад, вы не угадаете, кто проектировал сад. Дам вам подсказку: он был разбит позже, чем построили дом.

– Я слышал лишь об одном ландшафтном архитекторе, – сообщил Гарри, по-прежнему глаза на особняк. – Умелом Брауне¹⁹.

– Именно потому мы его и выбрали, – кивнул Джайлз, – просто ради того, чтобы мои друзья через двести лет знали имя этого человека.

Гарри и Дикинс рассмеялись, и тут машина остановилась перед трехэтажным зданием, построенным из золотистого котсуолдского камня²⁰. Джайлз выскочил наружу прежде, чем шофер успел открыть перед ним дверцу. Он взбежал по лестнице, а двое его друзей куда менее уверенно последовали за ним.

Входная дверь открылась задолго до того, как Джайлз добрался до верхней ступеньки, и высокий человек в длинном черном пиджаке, брюках в тонкую полоску и черном галстуке чуть поклонился, когда молодой господин промчался мимо него.

– С днем рождения, мастер Джайлз! – поздравил он.

– Спасибо, Дженкинс. Идемте, парни! – воскликнул Джайлз, скрываясь в доме.

Дворецкий придержал дверь открытой, пропуская в дом Гарри и Дикинса.

Когда Гарри вошел в вестибюль, его заворожил портрет пожилого мужчины, который, казалось, смотрел прямо на него. Джайлз унаследовал у изображенного на портрете клювообразный нос, яркие синие глаза и квадратную челюсть. Гарри огляделся, рассматривая прочие картины, украшавшие стены. Раньше ему попадались только репродукции в книгах: «Мона Лиза», «Смеющийся кавалер» и «Ночной дозор». Он добрался до пейзажа кисти художника по имени Констебль, когда в зал вошла женщина, наряд которой Гарри мог бы описать только как бальное платье.

– С днем рождения, милый, – произнесла она.

– Спасибо, матушка, – отозвался Джайлз, когда она склонилась к нему, чтобы поцеловать; Гарри впервые в жизни увидел друга смущенным. – Это двое моих друзей, Гарри и Дикинс.

Гарри пожал руку даме, ненамного превосходившей его ростом, и та отблагодарила его такой сердечной улыбкой, что скованность мигом прошла.

– Почему бы нам всем не перейти в гостиную, – предложила она, – и не выпить чаю?

Она проводила мальчиков из вестибюля в просторную комнату, окна которой выходили на лужайку.

Когда Гарри вошел, ему не захотелось садиться – он предпочел бы разглядывать картины, висевшие на всех стенах. Но миссис Баррингтон уже подвела его к дивану. Он уто-

¹⁹ Ланселот Браун, английский ландшафтный архитектор XVIII в., был садовником в поместье герцога Букингемского.

²⁰ Котсуолдский камень – желтый известняк, добываемый в Котсуолдских холмах на юге Среднеанглийской низменности.

нул в плюшевых подушках и невольно устался в эркерное окно на аккуратно подстриженную лужайку, вполне подходящую для крикета. Дальше виднелось озеро, в котором плавали довольные дикие утки, явно не озабоченные прокормом. Дикинс устроился на диване рядышком с Гарри.

Никто не произнес ни слова, когда еще один мужчина, на этот раз в коротком черном пиджаке, вошел в комнату, а за ним проследовала девушка в опрятном синем форменном платье, похожем на то, что мама Гарри носила в отеле. Горничная внесла большой серебряный поднос и поставила его на овальный столик перед миссис Баррингтон.

– Индийский или китайский? – спросила та, глядя на Гарри.

Мальчик не понял, о чем шла речь.

– Спасибо, матушка, мы все будем индийский, – вмешался Джайлз.

Гарри казалось, Джайлз научил его всему, что нужно знать об этикете, соблюдаемом в приличном обществе, но миссис Баррингтон внезапно повысила планку.

Лакей разлил чай по чашкам, и горничная поставила их перед мальчиками вместе с десертными тарелками. Гарри устался на гору бутербродов, не решаясь к ним притронуться. Джайлз взял один и переложил к себе на тарелочку. Его мать нахмурилась.

– Сколько раз тебе повторять, Джайлз: прежде чем заниматься собой, дождись, когда твои гости первыми решат, чего им хочется.

Гарри хотелось объяснить миссис Баррингтон, что Джайлз всегда подает пример, чтобы он знал, как надо делать и, главное, как не надо. Дикинс выбрал бутерброд и положил себе на тарелочку. Гарри тоже. Джайлз терпеливо дождался, пока Дикинс не возьмет свой бутерброд и от него не откусит.

– Надеюсь, вам нравится копченый лосось, – заметила миссис Баррингтон.

– Отменно, – вмешался Джайлз прежде, чем его друзья успели признаться, что они никогда не пробовали копченого лосося. – В школе нам дают только бутерброды с рыбным паштетом, – добавил он.

– Расскажите-ка мне, как у вас дела в школе, – предложила миссис Баррингтон.

– Есть куда совершенствоваться – так, по-моему, Фроб отзывается о моих успехах, – откликнулся Джайлз и взял еще один бутерброд. – А вот Дикинс первый по всем предметам.

– Кроме английского, – уточнил тот, впервые вступив в беседу, – там меня на пару процентов превзошел Гарри.

– А ты сам в чем-нибудь превзошел кого-нибудь, Джайлз? – спросила его мать.

– Он второй по математике, миссис Баррингтон, – вступился за друга Гарри – У него врожденный талант к счету.

– Совсем как у его дедушки, – заметила миссис Баррингтон.

– Ваш портрет, что над камином, вышел очень удачно, миссис Баррингтон, – сменил тему Дикинс.

– Это не я, Дикинс, а моя дражайшая матушка, – с улыбкой поправила она, но, увидев, как понурился мальчик, поспешно добавила: – Но какой очаровательный комплимент. В свое время она слыла красавицей.

– А кто написал этот портрет? – поинтересовался Гарри, выручая Дикинса.

– Ласло, – ответила миссис Баррингтон. – А почему вы спросили?

– Мне стало интересно, не принадлежит ли портрет джентльмена в вестибюле той же кисти.

– Как вы наблюдательны, Гарри, – подтвердила дама. – На картине, которую вы видели там, изображен мой отец, и она действительно тоже написана Ласло.

– А чем занимается ваш отец? – спросил Гарри.

– Гарри постоянно задает вопросы, – пояснил Джайлз. – К этому просто нужно привыкнуть.

Миссис Баррингтон улыбнулась.

– Он импортирует вина – в частности, хересы из Испании.

– Совсем как «Харвис»²¹, – вставил Дикинс с набитым огуречным бутербродом ртом.

– Совсем как «Харвис», – повторила миссис Баррингтон.

Джайлз ухмыльнулся.

– Возьмите еще бутерброд, Гарри, – сказала миссис Баррингтон, заметив, что взгляд мальчика прикован к блюду.

– Спасибо, – отозвался тот, не в силах выбрать между копченым лососем, огурцом и яйцом с помидором.

Остановился он на лососе, задумавшись, каков тот на вкус.

– А вы что же, Дикинс?

– Спасибо, миссис Баррингтон, – поблагодарил тот и взял еще один бутерброд с огурцом.

– Я не могу так и звать вас Дикинсом, – спохватилась мать Джайлза. – Звучит, будто я обращаюсь к слуге. Скажите, пожалуйста, каким именем вас крестили.

Дикинс снова понурился.

– Я предпочитаю, чтобы меня называли Дикинсом, – пробормотал он.

– Его зовут Эл, – подсказал Джайлз.

– Какое милое имя, – заметила миссис Баррингтон, – хотя, полагаю, ваша мать зовет вас Аланом.

– Нет, – возразил Дикинс, так и не подняв головы.

Остальные два мальчика удивились этому открытию, но промолчали.

– Меня зовут Элджернон²², – наконец выпалил он.

Джайлз расхохотался.

Миссис Баррингтон не обратила внимания на грубое поведение сына.

– Должно быть, ваша мать – большая поклонница Оскара Уайльда, – заметила она.

– Так и есть, – подтвердил Дикинс. – Но все-таки жаль, что она не назвала меня Джеком – или хотя бы Эрнестом.

– Не стоит так из-за этого переживать, – утешила его миссис Баррингтон. – В конце концов, Джайлз сам страдает от подобного унижения.

– Матушка, ты обещала, что не станешь...

– Обязательно уговорите его назвать вам свое второе имя, – посоветовала она, не обращая внимания на протесты сына.

Когда Джайлз не ответил, Гарри с Дикинсом с надеждой оглянулись на миссис Баррингтон.

– Мармадюк, – со вздохом объявила та. – Как у его отца, и у деда тоже.

– Если скажете кому-нибудь в школе, – пригрозил Джайлз, глядя на друзей, – клянусь, я убью вас, честное слово – убью.

Оба мальчика рассмеялись.

– А у вас, Гарри, есть второе имя? – спросила миссис Баррингтон.

Он уже собирался ответить, когда дверь гостиной распахнулась и вошел мужчина, которого никак нельзя было принять за слугу, с большим свертком в руках. Гарри поднял взгляд на человека, который мог оказаться только мистером Хьюго. Джайлз вскочил и бросился к отцу.

– С днем рождения, мальчик мой, – поздравил тот сына и протянул ему сверток.

– Спасибо, папа, – отозвался тот и немедленно принялся развязывать ленточку.

²¹ «Джон Харви и сыновья» – виноторговая компания, основанная в Бристоле в 1796 г.

²² Персонаж комедии Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным».

– Прежде чем открывать подарок, Джайлз, – укорила его мать, – возможно, тебе следовало бы представить отцу своих гостей.

– Прости, папа. Это два моих лучших друга, Дикинс и Гарри, – исправился Джайлз, отложив подарок на стол.

Гарри отметил, что отец Джайлза наделен тем же атлетическим телосложением и кипучей энергией, которые он считал присущими исключительно его отпрыску.

– Рад с вами познакомиться, Дикинс, – приветствовал мальчика мистер Баррингтон, пожимая ему руку, а затем повернулся к Гарри. – Добрый день, Клифтон, – добавил он и уселся в свободное кресло рядом с женой.

Гарри был озадачен: мистер Баррингтон не подал ему руки. И откуда он узнал, что его зовут Клифтон?

Как только лакей подал мистеру Баррингтону чай, Джайлз развернул подарок и восторженно вскрикнул, увидев радиоприемник «Робертс рэйдио». Он воткнул вилку в стенную розетку и принялся ловить разные станции. Каждый новый звук, раздававшийся из большого деревянного ящика, мальчики встречали смехом и аплодисментами.

– Джайлз говорит, что в этом триместре стал вторым по математике, – сообщила миссис Баррингтон, повернувшись к мужу.

– Зато худшим почти по всем остальным предметам, – резко ответил тот.

Джайлз постарался скрыть смущение, продолжая искать в эфире новую станцию.

– Но вы бы видели, какой мяч он забил в матче против Эйвонхерста, – вступился за друга Гарри. – Мы все уверены, что в следующем году он станет капитаном команды.

– Мячи не приведут его в Итон, – заметил мистер Баррингтон, не глядя на Гарри. – В этом возрасте юноше пора уже браться за ум и работать усердней.

Некоторое время все молчали, пока тишину не нарушила миссис Баррингтон.

– А вы тот самый Клифтон, который поет в хоре церкви Святой Марии в Редклиффе? – спросила она.

– Гарри – сопранист, – подсказал Джайлз. – Собственно говоря, у него стипендия хориста.

Гарри обратил внимание на то, что отец друга теперь пристально его разглядывает.

– Я так и подумала, что узнала вас, – кивнула миссис Баррингтон. – Мы с дедушкой Джайлза присутствовали на исполнении «Мессии» в церкви Святой Марии, когда хор Святого Беды выступал вместе с Бристольской классической школой. Ваша ария «А я знаю, Искупитель мой жив» звучала просто великолепно, Гарри.

– Спасибо, миссис Баррингтон, – покраснев, ответил мальчик.

– Вы надеетесь перейти в Бристольскую классическую, когда окончите школу Святого Беды, Клифтон? – спросил мистер Баррингтон.

«И опять Клифтон», – подумал Гарри.

– Только если заслужу стипендию, сэр, – ответил он.

– Но почему это так важно? – удивилась миссис Баррингтон. – Наверняка вам предложат там место, как и любому другому мальчику?

– Потому что моя мать не может себе позволить плату за обучение, миссис Баррингтон. Она работает официанткой в отеле «Рояль».

– Но разве ваш отец не...

– Он умер, – пояснил Гарри. – Его убили на войне.

Он внимательно следил за тем, как отреагирует мистер Баррингтон, но тот, как хороший игрок в покер, ничем не выдал своих чувств.

– Простите, – спохватилась его супруга. – Я не знала.

За спиной Гарри открылась дверь, и вошел лакей с двухъярусным тортом на серебряном подносе, который он поставил в центре стола. Джайлзу удалось задуть всю дюжину свечей одним выдохом, и все зааплодировали.

– А у вас когда день рождения, Клифтон? – спросил мистер Баррингтон.

– Был в прошлом месяце, сэр, – ответил Гарри.

Мистер Баррингтон отвел взгляд.

Лакей убрал свечи и подал молодому хозяину большой нож. Джайлз разрезал торт и разложил пять неровных ломтей по тарелочкам, которые горничная выставила на стол.

Дикинс, прежде чем браться за сам торт, подобрал и съел крошки сахарной глазури, упавшие на его блюдец. Гарри последовал примеру миссис Баррингтон. Он взял маленькую серебряную вилочку, лежавшую сбоку от его тарелочки, ею отломил крошечный кусочек торта, а затем положил ее обратно на тарелку.

Один мистер Баррингтон не притронулся к угощению. Внезапно, без малейшего предупреждения, он встал и вышел, не сказав ни слова.

Мать Джайлза и не пыталась скрыть удивления, вызванного поступком мужа, но промолчала. Гарри не отрывал взгляда от мистера Хьюго, пока тот не вышел из комнаты, а Дикинс, покончив с тортом, вновь сосредоточил внимание на бутербродах с копченым лососем, явно не заметив случившегося.

Когда дверь закрылась, миссис Баррингтон продолжила беседу, как если бы ничего необычного не произошло.

– Не сомневаюсь, вы получите стипендию Бристольской классической школы, Гарри, учитывая все, что Джайлз мне о вас рассказывал. Вы весьма умны, равно как и талантливы в пении.

– Джайлз преувеличивает, миссис Баррингтон, – возразил Гарри. – Поверьте, только Дикинс может рассчитывать на эту стипендию.

– Но разве БКШ не предлагает поддержку музыкально одаренным учащимся? – спросила она.

– Только не сопранистам, – пояснил Гарри. – Они не стали бы так рисковать.

– Кажется, я не вполне понимаю, – удивилась миссис Баррингтон. – Ничто не может отнять у вас навыков, которые вы приобрели за годы хороших репетиций.

– Верно, но, как ни жаль, никто не может предсказать, что произойдет, когда твой голос сломается. Некоторые дисканты оказываются басами или баритонами, а те, кому по-настоящему повезло, становятся тенорами, но заранее это определить невозможно.

– Почему нет? – спросил Дикинс, впервые заинтересовавшись темой беседы.

– На свете множество бывших сопранистов, которые не смогли устроиться даже в местный хор, когда их голоса переломились. Спросите Эрнеста Лафа²³. Каждая семья в Англии слышала, как он поет «О, на крыльях голубя», но кто знает, что с ним случилось без голоса?

– Тебе просто придется работать усердней, – заметил Дикинс, на миг перестав жевать. – Не забывай, классическая школа каждый год присуждает двенадцать стипендий, а я могу получить только одну из них, – буднично добавил он.

– Но в этом-то все и дело, – пояснил Гарри. – Если я буду заниматься усердней, мне придется бросить хор, а без нынешней стипендии я не смогу остаться в школе Святого Беды, так что...

– Ты оказался между молотом и наковальней, – подхватил Дикинс.

Гарри прежде не доводилось слышать этого выражения, и он решил позже спросить у Дикинса, что оно означает.

²³ Эрнест Артур Лаф (1911–2000) – английский хорист, в юном возрасте прославившийся своим сопрано.

– Что ж, одно можно утверждать уверенно, – заключила миссис Баррингтон, – Джайлз вряд ли получит стипендию в какой бы то ни было школе.

– Может, и нет, – признал Гарри. – Но Бристольская классическая вряд ли откажет настолько умелому левше-отбивающему.

– В таком случае будем надеяться, что к Итону это тоже относится, – вздохнула миссис Баррингтон, – поскольку его отец хочет, чтобы он поступил именно туда.

– Я не хочу учиться в Итоне, – возразил Джайлз, отложив вилку. – Я хочу поступить в БКШ вместе с друзьями.

– Уверена, ты найдешь себе множество новых друзей в Итоне, – заверила его мать. – А для твоего отца станет огромным разочарованием, если ты не последуешь по его стопам.

Лакей деликатно кашлянул. Миссис Баррингтон выглянула в окно и увидела машину, подъезжавшую к ступеням крыльца.

– Полагаю, вам всем пора возвращаться в школу, – объявила она. – Мне определенно не хотелось бы, чтобы из-за меня кто-то опоздал на подготовку к занятиям.

Гарри с тоской покосился на блюдо с бутербродами и недоеденный праздничный торт, нехотя встал и направился к дверям. По пути он оглянулся и мог бы поклясться, что видел, как Дикинс сунул в карман бутерброд. Напоследок он еще разок посмотрел в окно и, к своему удивлению, обнаружил долговязую девчонку с длинными косичками, калачиком свернувшуюся в уголке и поглощенную чтением.

– Это моя сестра Эмма, – пояснил Джайлз. – Никогда не расстанется с книжкой. Не обращай на нее внимания.

Гарри улыбнулся Эмме, но та даже не подняла глаз.

Миссис Баррингтон проводила мальчиков до входной двери и пожала Гарри и Дикинсу руки.

– Надеюсь, вы навестите нас снова, – напоследок сказала она. – Вы так хорошо влияете на Джайлза.

– Большое вам спасибо, что пригласили нас на чай, миссис Баррингтон, – отозвался Гарри.

Дикинс только кивнул. И оба мальчика отвернулись, когда она обняла и поцеловала сына.

Пока шофер вел машину по длинной подъездной дорожке, Гарри через заднее стекло смотрел на дом. Он не заметил Эмму, глядевшую в окно на отъезжающий автомобиль.

7

Школьный магазин работал с четырех до шести дня каждый вторник и четверг.

Гарри редко навещал «лавочку», как называли магазинчик ученики, поскольку в триместр он получал лишь два шиллинга карманных денег и знал, что мать не обрадуется, если на его счету перед каникулами обнаружатся лишние расходы. Однако ко дню рождения Дикинса мальчик сделал исключение из этого правила, решив приобрести на пенни сливочной помадки для друга.

Несмотря на то что Гарри редко ходил за покупками, плитка шоколада «Фрайс файв бойз» появлялась на его столе вечером каждый вторник и четверг. Хотя в школе было принято правило, запрещавшее ученикам тратить в школьном магазинчике больше шести пенсов в неделю, Джайлз также оставлял Дикинсу упаковку лакричного ассорти, ясно давая друзьям понять, что ничего не ожидает в ответ.

В тот вторник, зайдя в магазин, Гарри встал в длинную очередь мальчиков, ожидавших обслуживания. Рот его наполнился слюной при виде аккуратно разложенных рядами упаковок шоколада, пастилы, мармелада, лакрицы и – последнее повальное увлечение – картофельных чипсов «Смитс». Он прикинул, не купить ли пачку себе, но после недавнего знакомства с мистером Уилкинсом Микобером²⁴ у него не осталось сомнений насчет важности шести пенсов.

Пока Гарри пожирал глазами сокровища «лавочки», до него донесся голос Джайлза, и он заметил, что тот стоит в очереди на пару человек впереди него. Мальчик уже собирався окликнуть друга, когда увидел, как тот снимает с полки плитку шоколада и прячет ее в карман брюк. Парой мгновений позже за ней последовала упаковка жевательной резинки. Когда подошла очередь Джайлза, он выложил на прилавок коробку лакричных ассорти за два пенса и пакет чипсов за пенни, каковые мистер Свайвелс, заведующий магазинчиком, аккуратно внес в бухгалтерскую книгу напротив фамилии Баррингтона. Остальное так и осталось лежать неучтенным в кармане.

Гарри пришел в ужас и, прежде чем друг успел обернуться, выскользнул из магазина, не желая, чтобы его заметили. Он медленно двинулся вокруг здания школы, пытаясь понять, зачем Джайлзу что-то красть, когда он вполне способен заплатить за покупку. Он предполагал, что этому должно быть какое-нибудь простое объяснение, хотя и представлял, в чем оно заключается.

Мальчик поднялся в свою комнату перед самой подготовкой к занятиям и обнаружил украденную плитку шоколада у себя на столе и Дикинса, жевавшего лакричные конфеты из коробки. Ему было трудно сосредоточиться на причинах промышленной революции, пока он пытался решить, что ему следует предпринять по поводу своего открытия – и стоит ли вообще что-либо предпринимать.

Решение пришло к концу подготовки. Он убрал так и не развернутую плитку шоколада в верхний ящик стола, решив, что в четверг вернет ее в магазин, ничего не сказав Джайлзу.

Той ночью Гарри не спал вовсе, а после завтрака отвел Дикинса в сторонку и объяснил, почему не смог вручить ему подарок на день рождения. Тот не сумел скрыть потрясения.

– У моего папы в магазине такие же неприятности, – поделился Дикинс. – В смысле, мелкие кражи. «Дейли мейл» винит во всем Великую депрессию²⁵.

– Не думаю, что на семье Джайлза так уж сильно сказалась депрессия, – с чувством заметил Гарри.

²⁴ Уилкинс Микобер – персонаж романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфилд», попавший в долговую тюрьму.

²⁵ Великая депрессия – мировой экономический кризис 1929–1939 гг.

Дикинс задумчиво кивнул:

– Может, стоит сказать Фробу?

– Донести на лучшего друга? – переспросил Гарри. – Ни за что.

– Но если Джайлза поймают, его могут исключить, – напомнил Дикинс. – По меньшей мере ты можешь предупредить его, что узнал, чем он занимается.

– Я об этом подумаю, – пообещал Гарри. – Но пока я собираюсь возвращать в магазин все, что дает мне Джайлз, без его ведома.

Дикинс подался ближе.

– А ты не мог бы прихватить и мою долю? – шепнул он. – Я никогда не хожу в школьный магазин и попросту не соображу, что делать.

Гарри согласился взять на себя эту задачу и с того времени ходил в магазинчик дважды в неделю и клал нежеланные подарки Джайлза обратно на полки. Он пришел к выводу, что Дикинс прав и ему придется все высказать другу, пока того не поймали с поличным, но решил отложить разговор до конца триместра.

– Отличный удар, Баррингтон, – похвалил мистер Фробишер, когда мяч пересек границу поля.

По рядам зрителей прокатился сполох аплодисментов.

– Помяните мое слово, директор, Баррингтон еще сыграет за Итон против Харроу на стадионе «Лордз».

– Никогда, если от Джайлза будет хоть что-нибудь зависеть, – шепнул Гарри Дикинсу.

– Чем займешься на летних каникулах, Гарри? – спросил Дикинс, похоже вовсе не обращавший внимания на творившееся вокруг.

– В Тоскану не поеду, если ты об этом, – с усмешкой ответил мальчик.

– Сомневаюсь, что Джайлз так уж хочет туда, – заметил Дикинс. – В конце концов, итальянцы отродясь ничего не смыслили в крикете.

– Что ж, я был бы счастлив поменяться с ним местами, – отозвался Гарри. – Меня совершенно не волнует, что Микеланджело, да Винчи и Караваджо не были знакомы с тонкостями подачи отскоком слева, не говоря уже обо всех тех макаронных изделиях, которые ему предстоит одолеть.

– Так куда же ты собираешься? – спросил Дикинс.

– На «западную Ривьеру», на недельку, – с апломбом заявил Гарри. – Большой пирс в Уэстон-сьюпер-Мэр обычно считается гвоздем программы, а за ним следует рыба с жареной картошкой в кафе «Коффинс». Хочешь составить мне компанию?

– У меня нет на это времени, – отказался Дикинс, явно приняв слова друга за чистую монету.

– И почему же? – подыгрывая ему, спросил Гарри.

– Слишком много работы.

– Ты намерен продолжать работать на отдыхе? – недоверчиво переспросил Гарри.

– Для меня работа и есть отдых, – пояснил Дикинс. – Я наслаждаюсь ею не меньше, чем Джайлз своим крикетом, а ты пением.

– А где ты работаешь?

– В муниципальной библиотеке, тупица. Там есть все, что мне нужно.

– Можно, я к тебе присоединюсь? – спросил Гарри уже серьезно. – Мне сгодится любая помощь, чтобы получить стипендию БКИШ.

– Только если ты согласишься все время молчать, – поставил условие Дикинс.

Гарри рассмеялся бы, если бы не знал, что друг не считает работу поводом для шуток.

– Но мне позарез нужна помощь по латинской грамматике, – пожаловался он. – Я по-прежнему не понимаю придаточных следствия, не говоря уже о сослагательном наклонении,

а если я не вытяну проходную отметку за латынь, то все кончено, даже если по всем остальным предметам я буду блистать.

– Ладно, с латынью я помогу, – пообещал Дикинс, – но услуга за услугу.

– Хорошо, – согласился Гарри, – только я не поверю, что ты надеешься исполнить соло на рождественской службе.

– Отличный удар, Баррингтон, – снова одобрил мистер Фробишер.

Гарри присоединился к аплодисментам.

– Это его третья полусотня за сезон, директор, – добавил учитель.

– Не дурачься, Гарри, – попросил Дикинс. – Суть в том, что папе нужно, чтобы на время летних каникул кто-нибудь взялся разносить по утрам газеты, и я предложил тебя. Оплата – шиллинг в неделю, и пока ты сможешь ежедневно являться в магазин к шести утра, место за тобой.

– К шести утра? – пренебрежительно фыркнул Гарри. – Когда у тебя есть дядя, который поднимает весь дом в пять, это не вызывает ни малейших затруднений.

– Значит, возьмешься?

– Да, конечно, – подтвердил Гарри. – Но почему ты сам не хочешь этим заняться? Шиллингом в неделю пренебрегать не стоит.

– И не напоминай, но я не умею ездить на велосипеде.

– Вот черт, – огорчился Гарри. – А у меня даже нет велосипеда.

– Я не говорил, что у меня его нет, – вздохнул Дикинс. – Я сказал, что не умею на нем ездить.

– Клифтон, – окликнул мальчика мистер Фробишер, когда крикетисты потянулись с поля пить чай, – после подготовки к занятиям я бы хотел видеть вас у себя в кабинете.

Гарри всегда нравился мистер Фробишер, который был одним из немногих учителей, относившихся к нему как к равному. И было похоже, что любимчиков у него тоже не водилось, тогда как некоторые другие преподаватели ясно дали понять мальчику, что сына портового рабочего вовсе не следовало впускать в священные врата школы Святого Беды, как бы ни был хорош его голос.

Когда прозвенел колокол, объявлявший о конце подготовки, Гарри отложил перо и направился по коридору к кабинету мистера Фробишера. Он понятия не имел, зачем его хочет видеть классный наставник, и не слишком над этим задумывался.

Мальчик постучался.

– Войдите, – раздалось из-за двери. Тон, с которым это было произнесено, не предвещал ничего хорошего.

Гарри вошел в кабинет, но – удивительно – его не приветствовала обычная улыбка Фроба.

Когда мальчик остановился перед его столом, мистер Фробишер поднял на него пристальный взгляд.

– Клифтон, до моего сведения довели, что вы воруете из школьного магазина.

В голове воцарилась полная пустота, когда Гарри попытался найти ответ, который не стал бы приговором для Джайлза.

– Староста видел, как вы берете с полок товары, – продолжал Фробишер тем же непреклонным тоном, – а затем покидаете магазин, не дождавшись своей очереди.

«Не беру, а возвращаю, сэр», – хотелось оправдаться Гарри, но он только и сумел, что выдавить:

– Я никогда ничего не брал в школьном магазине, сэр.

Несмотря на то что говорил он чистую правду, его щеки все равно залил жаркий румянец.

– Тогда как вы объясните то, что дважды в неделю бываете в «лавочке», а напротив вашего имени в бухгалтерской книге мистера Свайвелса нет ни единой записи?

Мистер Фробишер терпеливо ждал, но Гарри понимал, что, если он расскажет все как есть, Джайлза наверняка исключат.

– И вскоре после того, как магазин закрылся, в верхнем ящике вашего стола были обнаружены эта плитка шоколада и упаковка лакричного ассорти.

Гарри опустил взгляд на сласти, но так ничего и не сказал.

– Я жду объяснений, Клифтон, – напомнил мистер Фробишер и после долгого молчания добавил: – Мне, разумеется, известно, что у вас гораздо меньше карманных денег, чем у любого другого мальчика в вашем классе, но это не оправдание для воровства.

– Я никогда в жизни ничего не крал, – сказал Гарри.

Пришла очередь мистера Фробишера покраснеть и смутиться. Он поднялся из-за стола.

– Если это так, Клифтон, – а я хотел бы вам верить, – после репетиции хора вы явитесь ко мне с подробным объяснением того, откуда у вас взялась еда, за которую вы, очевидно, не платили. Если оно меня не удовлетворит, мы с вами пройдем к директору, и я догадываюсь, какой он вынесет приговор.

Гарри покинул кабинет. Стоило двери закрыться за спиной, как его замутило. Он вернулся к себе, надеясь, что Джайлза не окажется на месте. Но когда вошел, то первым делом увидел очередную плитку шоколада у себя на столе.

Джайлз посмотрел на Гарри.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросил он, заметив покрасневшее лицо товарища.

Гарри не ответил. Он убрал плитку шоколада в ящик стола и ушел на репетицию хора, ничего не сказав. Джайлз проводил его взглядом.

– Да что с ним такое? – небрежно спросил он, повернувшись к Дикинсу, как только за Гарри закрылась дверь.

Дикинс продолжал писать, как будто не расслышал вопроса.

– Ты что, не слышал меня, глухая тетеря? – не отступился Джайлз. – Почему Гарри хандрит?

– Я знаю только, что его вызывали к Фробу.

– Почему? – спросил Джайлз уже с большим интересом.

– Понятия не имею, – отрезал Дикинс, не прекращая писать.

Джайлз встал и через всю комнату направился к приятелю.

– Что ты от меня скрываешь? – потребовал он ответа, схватив того за ухо.

Дикинс выронил перо, беспокойно нашарил дужку очков и поправил их на носу.

– У него неприятности, – в конце концов проговорился он.

– Какого рода неприятности? – продолжал расспросы Джайлз, выкручивая Дикинсу ухо.

– Думаю, его даже могут исключить, – проскулил Дикинс.

Джайлз выпустил его ухо и расхохотался.

– Гарри – и вдруг исключат? – переспросил он насмешливо. – Скорее уж папу римского расстригут.

Он бы вернулся к себе за стол, если бы не заметил капли пота, выступившие на лбу Дикинса.

– За что? – уже тише уточнил мальчик.

– Фроб считает, что он ворует в школьном магазине, – пояснил Дикинс.

Если бы он поднял взгляд, то увидел бы, что Джайлз побелел как полотно. Мгновением позже он услышал, как захлопнулась дверь. Он подобрал перо и попытался сосредоточиться, но впервые в жизни его уроки так и остались недоделанными.

Когда часом позже Гарри вышел с репетиции хора, то заметил прислонившегося к стене Фишера, с трудом сдерживающего улыбку. Именно тогда он понял, кто на него донес. Он не стал обращать внимания на Фишера и прогулочным шагом двинулся обратно к своему корпусу, как если бы его ничто не заботило, в то время как на самом деле чувствовал себя осужденным, всходящим на эшафот и знающим, что, если он не предаст ближайшего друга, помилования ему не видать. Он чуть помешкал и постучал в дверь классного наставника.

На этот раз «войдите» прозвучало куда мягче, чем в прошлый раз, но, когда Гарри вошел, его встретил тот же непреклонный, пристальный взгляд. Мальчик понурил голову.

– Я должен от всей души извиниться перед вами, Клифтон, – объявил Фробишер, вставая из-за стола. – Теперь мне известно, что вы невиновны.

Сердце Гарри по-прежнему билось часто-часто, но теперь он тревожился за Джайлза.

– Спасибо, сэр, – выговорил он, не поднимая головы.

Ему хотелось задать Фробу множество вопросов, но он знал, что тот не ответит ни на один.

Мистер Фробишер вышел из-за стола и пожал Гарри руку, чего прежде никогда не делал.

– Вам стоит поторопиться, Клифтон, если вы надеетесь успеть на ужин.

Выйдя из кабинета Фроба, Гарри медленно побрел в столовую. Фишер стоял у двери, на его лице застыло изумление. Гарри прошел мимо и привычно устроился на краю скамьи рядом с Дикинсом. Место напротив осталось пустым.

8

Джайлз так и не появился на ужине, и ночью постель его тоже была пуста. Гарри подозревал, что, если бы школа Святого Беды не проиграла ежегодный матч против Эйвонхерста на тридцать одну перебежку, немногие мальчики или даже учителя заметили бы его отсутствие.

Но, к сожалению для Джайлза, игра состоялась на своем поле, так что у каждого нашлось собственное мнение насчет того, почему первый бэтсмен школы не занял пост на линии, а в особенности у Фишера, твердившего всем подряд, что не того человека отстранили от занятий.

Гарри без большого воодушевления ждал каникул; и не только потому, что гадал, увидится ли он когда-нибудь с Джайлзом снова, но и потому, что каникулы означали возвращение в дом номер двадцать семь по Стилл-Хаус-лейн, где ему опять пришлось бы делить комнату с дядей Стэном, который нередко возвращался домой нетрезвым.

Проведя вечер за пересчитыванием старых экзаменационных работ, около десяти мальчик ложился в постель. Вскоре он засыпал, но иногда где-то за полночь его будил дядя, зачистую пьяный настолько, что не мог найти собственную кровать. Звук того, как Стэн пытается помочиться в ночной горшок и при этом не всегда попадает в цель, запомнится Гарри до конца жизни.

Когда дядя падал на кровать – раздевался он редко, – мальчик просыпался и долго не мог заснуть из-за громкого пьяного храпа. Он мечтал вернуться в школу Святого Беды, где делил спальню с двадцатью девятью другими учениками.

Гарри все еще надеялся, что Стэн ненароком проговорится о подробностях смерти его отца, но разум того большую часть времени бывал слишком замутнен, чтобы ответить даже на самый простой вопрос. В один из тех редких случаев, когда Стэн оказался достаточно трезв для разговора, он велел мальчику отвалить и предупредил, что задаст ему трепку, если тот еще раз поднимет эту тему.

Единственной положительной стороной такого соседства было то, что он ни при каких обстоятельствах не мог опоздать к утренней доставке газет.

Дни Гарри на Стилл-Хаус-лейн приобрели строгий распорядок: подъем в пять, тост на завтрак – он больше не вылизывал дядину миску; затем следовало явиться к мистеру Дикинсу в газетный киоск к шести, разложить газеты в нужном порядке, а после доставить их. На все уходило около двух часов, что позволяло ему вернуться домой и успеть выпить чашку чая с мамой до того, как она уйдет на работу. Примерно в восемь тридцать мальчик отправлялся в библиотеку, где встречался с Дикинсом, который всегда уже сидел на верхней ступеньке крыльца в ожидании, пока кто-нибудь не откроет двери.

Днем Гарри являлся на репетицию хора в церковь Святой Марии в Редклиффе, что было частью его обязательств перед школой Святого Беды. Он никогда не считал это обязательным, поскольку искренне любил петь. По правде сказать, он не раз шептал: «Господи, пожалуйста, когда мой голос сломается, сделай меня тенором, и я никогда больше ни о чем не попрошу».

Вернувшись домой к вечернему чаю, Гарри пару часов занимался за кухонным столом, а затем отправлялся в кровать, страшась возвращения дяди не меньше, чем Фишера в первую неделю в школе Святого Беды. По крайней мере Фишер отбыл в классическую школу Кольстона, и Гарри предполагал, что их пути больше никогда не пересекутся.

Гарри с нетерпением ждал последнего года в школе Святого Беды, хотя прекрасно представлял, как сильно изменится его жизнь, если их с друзьями дороги разойдутся: Джайлза – он сам не знал куда, Дикинса – в Бристольскую классическую, а ему самому, если он не сумеет получить стипендию там же, вероятно, придется вернуться в Мерривуд, а затем, в четырнадцать лет, бросить школу и искать себе работу. Он пытался не думать о последствиях провала, хотя дядя Стэн никогда не упускал возможности напомнить ему, что всегда можно устроиться в порт.

– Мальчишку с самого начала не следовало отпускать в эту хваленую школу, – постоянно твердил он Мэйзи, когда та ставила перед ним миску с кашей. – Там его научили слишком много о себе думать, – добавлял он, как будто племянника не было рядом.

Гарри не сомневался, что Фишер охотно согласился бы с точкой зрения дяди, но, с другой стороны, он давно уже пришел к выводу, что у дяди Стэна и Фишера было много общего.

– Но ведь нужно же дать Гарри возможность расти над собой? – возражала Мэйзи.

– Зачем? – не уступал Стэн. – Если порт был хорош для меня и его старика, почему он недостаточно хорош для него? – заключал он с уверенностью, не оставлявшей места для споров.

– Может, мальчик умнее нас обоих, – предполагала Мэйзи.

Это заставляло Стэна на мгновение замолчать, но после новой ложки каши он находил, что ответить.

– Смотря что ты имеешь в виду под умом, – заявлял он. – В конце концов, ум уму рознь.

Затем он отправлял в рот очередную ложку, но больше ничего не добавлял к этому глубокому суждению.

Слушая, как дядя раз за разом каждое утро проигрывает одну и ту же пластинку, Гарри разрезал свой тост на четыре части. Он никогда не высказывался в собственную защиту, поскольку было очевидно, что Стэн уже все решил насчет будущего племянника и его ничем не поколебать. Чего дядя не понимал, так это того, что его постоянные издевки лишь побуждают мальчика усердней заниматься.

– Не могу околачиваться тут целый день, – напоследок сообщал Стэн, особенно если чувствовал, что проигрывает спор. – Кое-кому из нас нужно и работать, – добавлял он, поднимаясь из-за стола.

Никто не утруждался возражениями.

– И еще одно, – спохватывался он, открывая кухонную дверь. – Разве никто из вас не заметил, что мальчишка размяк. Он теперь даже не вылизывает мою миску из-под каши. Одному богу известно, чему его учат в этой школе.

И дверь захлопывалась за его спиной.

– Не обращай внимания на дядю, – пыталась успокоить Гарри мама. – Он просто завидует. Ему не по душе, что все мы так гордимся тобой. И даже ему придется запеть на другой лад, когда ты получишь стипендию, как твой друг Дикинс.

– Но в этом-то все и дело, мама, – вздыхал Гарри. – Я не такой, как Дикинс, и уже начинаю задумываться, стоит ли игра свеч.

Все смотрели на Гарри в молчаливом недоумении, и тут впервые за долгие дни заговорил дедушка.

– Жаль, что мне не выпало возможности пойти в Бристольскую классическую школу, – сообщил он.

– И почему же, дедушка? – сорвался на крик Гарри.

– Потому что в этом случае нам не пришлось бы все эти годы жить с твоим дядей Стэном.

Гарри с удовольствием разносил по утрам газеты, и не только потому, что это давало ему повод ускользнуть из дому. Со временем он познакомился с несколькими постоянными покупателями мистера Дикинса, причем некоторые из них слышали, как он поет в церкви Святой Марии и махали Гарри рукой, когда он заглядывал к ним, а другие предлагали ему чашку чая или даже яблоко. Мистер Дикинс предостерег его, что при доставке ему стоит опасаться двух собак; к концу второй недели обе начинали вилять хвостами, когда он спрыгивал с велосипеда.

Мальчик с радостью обнаружил, что одним из постоянных клиентов мистера Дикинса был мистер Холкомб, и они часто обменивались парой слов, когда Гарри привозил ему утренний экземпляр «Таймс». Его первый учитель дал ясно понять, что не желает больше видеть ученика в Мерривуде, и добавил, что, если тому понадобятся дополнительные занятия, он почти всегда свободен по вечерам.

Когда Гарри возвращался в газетный ларек после доставки, мистер Дикинс всякий раз перед тем, как отпустить его по своим делам, подсовывал ему в сумку пенсовую плитку шоколада «Фрайс». Это напоминало ему о Джайлзе. Он часто задумывался: что-то сейчас с его другом? Ни до него, ни до Дикинса не доходило ни единой весточки от Джайлза с того самого дня, когда мистер Фробишер вызвал Гарри к себе после подготовки. Затем, прежде чем покинуть магазин и направиться домой, мальчик всегда задерживался перед шкафом-витриной, любуясь часами, которые, как он знал, ему никогда себе не позволить. Он даже не удосуживался спросить у мистера Дикинса, сколько они стоят.

Размеренный распорядок Гарри обычно нарушался лишь дважды в неделю. Он пытался проводить каждое субботнее утро со Смоленым, прихватив с собой по экземпляру всех выпусков «Таймс» за неделю, а воскресными вечерами, исполнив свои обязанности в церкви Святой Марии, он мчался через весь город, чтобы успеть к вечерне в церковь Святого Рождества.

Хрупкая мисс Манди светилась от гордости, слушая соло. Она лишь надеялась прожить достаточно долго, чтобы увидеть, как Гарри поступит в Кембридж. Она намеревалась рассказать ему о хоре Королевского колледжа, но не раньше чем он получит место в Бристольской классической школе.

– Мистер Фробишер собирается сделать тебя старостой? – спросил Смоленый еще до того, как Гарри занял привычное место на другой стороне вагона.

– Понятия не имею, – отозвался мальчик. – Фроб, между прочим, всегда говорит, – добавил он, подергав себя за лацканы, – «Клифтон, в жизни вы получаете ровно столько, сколько заслуживаете, не больше и не меньше».

Смоленый усмехнулся, едва удержавшись от похвалы: «Неплохое подражание Фробу».

– Тогда ставлю на то, что ты вот-вот станешь старостой, – удовольствовался он предположением.

– Я бы предпочел получить стипендию в БКШ, – заметил Гарри, внезапно показавшись старше своих лет.

– А как насчет твоих друзей, Баррингтона и Дикинса? – спросил Смоленый, пытаясь разрядить обстановку. – Им тоже предстоит великое будущее?

– Дикинса ни за что не сделают старостой, – сообщил мальчик. – Он даже о себе не в состоянии позаботиться, не говоря уж о ком-нибудь еще. В любом случае он надеется, что ему поручат надзор за библиотекой, а поскольку никто больше не хочет этим заниматься, мистер Фробишер вряд ли станет долго ломать голову над этим назначением.

– А Баррингтон?

– Я сомневаюсь, что он вернется в школу в следующем триместре, – с тоской проговорил Гарри. – А если и вернется, я почти уверен, что старостой его не сделают.

– Не стоит недооценивать его отца, – напомнил Смолений. – Этот человек, вне всякого сомнения, уже позаботился о том, чтобы его сын вернулся в школу в первый же день триместра. И я бы не поставил деньги на то, что он не станет старостой.

– Будем надеяться, ты прав, – кивнул Гарри.

– А если я прав, полагаю, затем он, по примеру отца, поступит в Итон?

– Нет, если от него будет хоть что-то зависеть. Джайлз предпочел бы пойти в БКШ вместе со мной и с Дикинсом.

– Если он не попадет в Итон, ему вряд ли предложат место в классической школе. Их вступительный экзамен – один из труднейших в стране.

– Он говорил, что у него есть план.

– И лучше бы этому плану быть хорошим, если он надеется одурачить не только экзаменаторов, но и собственного отца.

На это Гарри промолчал.

– Как поживает твоя матушка? – спросил Смолений, меняя тему, поскольку было видно, что поддерживать прежнюю мальчик больше не намерен.

– Ее только что повысили. Теперь она руководит всеми официантками в «Пальмовом дворике» и подчиняется напрямую мистеру Фрэмptonу, управляющему отелем.

– Должно быть, ты очень ею гордишься, – заметил Смолений.

– Да, так и есть, и более того, я намерен подтвердить это на деле.

– И что ты задумал?

Гарри поделился с ним своим секретом. Старик внимательно выслушал мальчика, время от времени одобрительно кивая. Он предвидел одну маленькую загвоздку, но непреодолимой она не была.

Когда Гарри вернулся в магазин, доставив последние газеты перед тем, как отправиться обратно в школу, мистер Дикинс вручил ему шиллинг в качестве поощрения.

– Ты лучший разносчик газет из всех, что у меня были, – объявил он.

– Спасибо, сэр, – откликнулся Гарри, пряча деньги в карман. – Мистер Дикинс, могу я задать вам вопрос?

– Да, Гарри, конечно.

Мальчик подошел к шкафу-витрине, где на верхней полке была выставлена рядышком пара наручных часов.

– Сколько они стоят? – спросил он, указывая на «ингерсолл».

Мистер Дикинс улыбнулся. Он уже несколько недель ждал, когда же Гарри задаст этот вопрос, и загодя приготовил ответ.

– Шесть шиллингов, – сообщил он.

Гарри не верил собственным ушам. Он не сомневался, что столь великолепный предмет должен стоить вдвое дороже, если не больше. Но, несмотря на то что он откладывал половину заработка каждую неделю, ему даже с сегодняшним поощрением все равно не хватало шиллинга.

– Ты же понимаешь, Гарри, что это дамские часы? – уточнил мистер Дикинс.

– Да, сэр, понимаю, – заверил его мальчик. – Я надеялся подарить их моей матери.

– Тогда ты можешь приобрести их за пять шиллингов.

Гарри не мог поверить в собственную удачу.

– Спасибо вам, сэр, – выпалил он и протянул мистеру Дикинсу четыре шиллинга, шестипенсовик, трехпенсовик и три монетки по одному пенни, оставшись в итоге с пустыми карманами.

Мистер Дикинс взял часы из витрины, украдкой снял с них ценник в шестнадцать шиллингов и уложил в красивую коробочку.

Гарри выскочил из магазина, насвистывая. Мистер Дикинс улыбнулся и положил в кассу десятишиллинговую банкноту, радуясь тому, что выполнил свою часть сделки.

9

Прозвонил колокол.

– Время раздеваться, – объявил дежурный староста в спальне новичков в первый вечер триместра.

Гарри подумал о том, какими маленькими и беспомощными они выглядят. Кое-кто откровенно сдерживал слезы, а другие озирались, не зная, что им делать дальше. Один из мальчиков стоял лицом к стене и дрожал. Гарри поспешно подошел к нему.

– Как тебя зовут? – мягко спросил он.

– Стивенсон.

– Что ж, а я Клифтон. Добро пожаловать в школу Святого Беды.

– А я Тьюксбери, – заявил мальчик, стоящий по другую сторону от кровати Стивенсона.

– Добро пожаловать в школу Святого Беды, Тьюксбери.

– Спасибо, Клифтон. По правде сказать, мои отец и дед учились здесь перед тем, как поступить в Итон.

– Не сомневаюсь, – кивнул Гарри. – И готов поспорить, что они возглавляли команду Итона в матче с Харроу на стадионе «Лордз», – добавил он, тут же пожалев о собственных словах.

– Нет, мой отец был «мокрым», а не «сухим», – невозмутимо уточнил Тьюксбери.

– Мокрым? – переспросил Гарри.

– Он возглавлял команду Оксфорда против Кембриджа на гребных гонках.

Стивенсон вдруг расплакался.

– В чем дело? – спросил Гарри, присаживаясь рядом с ним на кровать.

– Мой отец – водитель трамвая.

Все остальные бросили раскладывать вещи и уставились на Стивенсона.

– Правда? – отозвался Гарри. – Тогда мне стоит поделиться с тобой одним секретом, – добавил он достаточно громко, чтобы все остальные мальчики в спальне точно его расслышали. – Я сын портового рабочего. Не удивлюсь, если выяснится, что ты новый стипендиат-хорист.

– Нет, – покачал головой Стивенсон. – Я получил открытую стипендию.

– Мои поздравления, – объявил Гарри, пожав ему руку. – Ты следуешь давней и благородной традиции.

– Спасибо. Но я не знаю, что делать, – прошептал мальчик.

– В каком смысле, Стивенсон?

– У меня нет зубной пасты.

– Не волнуйся об этом, старина, – вмешался Тьюксбери, – моя мать всегда кладет запасную.

Гарри улыбнулся под новый удар колокола.

– Все по кроватям! – твердо скомандовал он и направился через спальню к двери.

– Спасибо за пасту, – услышал он шепот.

– Забудь, старина.

– Всё, – объявил Гарри, погасив свет. – Больше я не желаю слышать от вас ни слова, пока колокол снова не прозвонит завтра в шесть тридцать утра.

Он выждал несколько мгновений, и до его ушей донесся шепот.

– Я не шучу – ни слова больше.

Улыбаясь, он спустился по лестнице, чтобы присоединиться к Дикинсу и Баррингтону в кабинете старост.

Две вещи удивили Гарри, когда он вернулся в школу Святого Беды в первый день триместра. Стоило ему войти в здание, как мистер Фробишер отвел его в сторонку.

– Поздравляю, Клифтон, – негромко произнес он. – Этого не объявят до завтрашнего собрания, но вы будете новым старостой школы.

– Им должен был стать Джайлз, – не задумавшись, откликнулся Гарри.

– Баррингтон будет капитаном школьной команды, а...

Гарри подпрыгнул от радости, услышав, что его друг вернется в школу Святого Беды. Смоленый был прав, когда сказал, что мистер Хьюго найдет способ вернуть сына в школу к первому дню занятий.

Когда несколько мгновений спустя сам Джайлз вошел в вестибюль, мальчики пожали руки, и Гарри так и не заговорил на тему, наверняка тревожившую обоих.

– И как тебе новые «жуки»? – спросил Джайлз, когда его друг зашел в кабинет.

– Один напомнил мне тебя, – отозвался тот.

– Наверняка Тьюксбери.

– Ты его знаешь?

– Нет, но папа учился в Итоне вместе с его отцом.

– Я сказал ему, что я сын портового рабочего, – поделился Гарри, рухнув в единственное удобное кресло в комнате.

– В самом деле? – хмыкнул Джайлз. – А он сказал тебе, что его отец – член кабинета министров?

Гарри промолчал.

– Есть там кто-нибудь еще, за кем мне стоит приглядывать? – спросил Джайлз.

– Стивенсон, – сообщил Гарри. – Нечто среднее между мной и Дикинсом.

– Тогда нам стоит запереть пожарный выход, пока он не воспользовался им для побега.

Гарри часто задумывался о том, где бы мог оказаться сейчас, если бы Смоленый той ночью не уговорил его вернуться в школу.

– Что у нас завтра первым уроком? – спросил Гарри, сверяясь с расписанием.

– Латынь, – отозвался Дикинс. – Вот почему я разбираю с Джайлзом Первую Пуническую войну.

– С двести шестьдесят четвертого по двести сорок первый до Рождества Христова, – вставил Джайлз.

– Бьюсь об заклад, ты этим наслаждаешься, – заметил Гарри.

– Да, несомненно, – подтвердил Джайлз, – и буквально не могу дождаться продолжения, Второй Пунической.

– С двести восемнадцатого по двести первый до Рождества Христова, – подхватил Гарри.

– Меня всегда поражало, что греки и римляне как будто знали, когда именно родится Христос, – сообщил Джайлз.

– Ха-ха-ха, – отозвался Гарри.

Дикинс смеяться не стал.

– А потом, – сказал он серьезно, – нам придется рассмотреть Третью Пуническую войну, со сто сорок девятого по сто сорок шестой до Рождества Христова.

– Нам действительно так уж нужно знать обо всех трех? – удрученно спросил Джайлз.

Церковь Святой Марии в Редклиффе переполняли горожане и школяры, пришедшие на службу Адвента²⁶ с чтением восьми отрывков из Писания и восьмью рождественскими

²⁶ Адвент – период Рождественского поста у католиков и части протестантов, время ожидания, предшествующее празднику Рождества.

гимнами. Хор вошел через неф и медленно двинулся по проходу между рядами, исполняя «Придите, верные», после чего занял места для певчих.

Директор прочел первый отрывок. За ним последовал «О малый город Вифлеем». В объявлении о порядке службы указывалось, что солировать в третьем куплете будет Гарри Клифтон.

«В тиши ночной дар неземной спустился к нам с высот. Людским сердцам...»

Мать Гарри гордо замерла в третьем ряду, а сидевшая с ней пожилая дама жаждала рассказать всему приходу, что они слушают ее внука. Мужчина, устроившийся по другую сторону от Мэйзи, не мог расслышать ни слова, однако об этом никто бы не догадался, судя по его довольной улыбке. Дяди Стэна нигде не было видно.

Капитан школьной команды прочел второй отрывок, а затем вернулся на место, и Гарри обратил внимание на то, что тот сел рядом с безупречно выглядевшим седовласым джентльменом, в котором он угадал сэра Уолтера Баррингтона. Джайлз как-то говорил, будто дед живет в еще большем доме, чем его собственный, но Гарри сомневался, что такое вообще возможно. По другую сторону от Джайлза сидели его мать и отец. Миссис Баррингтон улыбнулась Гарри, а мистер Баррингтон ни разу даже не взглянул в его сторону.

Когда орган заиграл вступление к «Вот волхвы с Востока идут», паства поднялась на ноги и с радостью подхватила гимн. Потом отрывок читал мистер Фробишер, а следом настал миг, которого мисс Манди ждала особенно, веря, что он станет кульминацией службы. Многочисленная паства даже не шелохнулась, пока Гарри пел «Ночь тиха» так чисто и уверенно, что улыбнулся даже директор.

Дальше читал заведующий библиотекой. Гарри успел несколько раз отрепетировать с ним отрывок из Евангелия от Марка. Дикинс рассказал Джайлзу, что пытался отвертеться от этой обязанности, но мистер Фробишер настоял на своем: четвертый отрывок всегда читал библиотекарь. Дикинсу было не сравниться с Джайлзом, но он неплохо справился. Гарри подмигнул другу, пока тот, шаркая, возвращался на свое место рядом с родителями.

Затем хор встал, чтобы исполнить «В сладостном ликовании», а паства осталась сидеть. Гарри считал этот гимн одним из самых сложных в репертуаре из-за его необычных созвучий.

Мистер Холкомб прикрыл глаза, чтобы яснее слышать старшего хориста. Гарри исполнил «Да воспоют все сердца», когда мистеру Холкомбу показалось, что он услышал легкий, едва различимый надлом в голосе исполнителя. Он предположил, что мальчик простыл. Мисс Манди же сразу поняла, что к чему. Столько раз уже она улавливала эти ранние признаки. Она взмолилась о том, чтобы ее предположение оказалось ошибочным, хотя и знала, что эта молитва останется без ответа. Гарри допоет остаток службы так, что лишь горстка людей догадается о случившемся, и даже пропоет еще несколько недель, а может, и месяцев, но к Пасхе «Восхвалим все воскресшего Христа» будет исполнять уже другой мальчик.

Старик, вошедший через несколько мгновений после начала службы, оказался в числе тех, кто ни капли не усомнился в случившемся. Смоленый выскользнул из церкви до того, как епископ в последний раз благословил паству. Он знал, что Гарри не сможет навестить его раньше будущей субботы, и это оставляло ему достаточно времени поразмыслить, как ответить на неизбежный вопрос.

– Я хотел бы переговорить с вами наедине, Клифтон, – обратился к мальчику мистер Фробишер, когда колокол объявил об окончании подготовки к урокам. – Вы не могли бы зайти ко мне в кабинет?

Вряд ли Гарри забудет и этот день, и эти слова.

Гарри закрыл за собой дверь кабинета, и классный наставник жестом пригласил его занять место у камина, чего прежде не делал никогда.

– Я лишь хотел заверить вас, Гарри, – обращение по имени тоже прозвучало впервые, – то, что вы больше не можете петь в хоре, не повлияет на вашу стипендию. Всем нам хорошо известно, что ваш вклад в школьную жизнь простирается далеко за пределы капеллы.

– Спасибо, сэр, – отозвался Гарри.

– Тем не менее теперь стоит задуматься о вашем будущем. Преподаватель музыки сообщил мне, что для полного восстановления вашего голоса потребуется время. Боюсь, это означает, что нам следует здраво оценивать ваши шансы получить стипендию хориста в Бристольской классической школе.

– Таких шансов нет, – спокойно заключил Гарри.

– Вынужден с вами согласиться, – кивнул Фробишер. – Рад слышать, что вы понимаете сложившуюся ситуацию. Но, – продолжал он, – я охотно подам от вашего имени заявку на открытую стипендию в БКШ. Однако, – добавил он прежде, чем Гарри успел ответить, – в текущих обстоятельствах вы можете счесть, что вам легче будет получить стипендию, скажем, в школе Кольстона или Королевском колледже Глостера, где вступительные экзамены заметно проще.

– Нет, сэр, спасибо, – откликнулся Гарри. – Моим выбором остается Бристольская классическая.

Теми же словами и столь же решительно он в прошлую субботу ответил Смоленому Джеку, когда тот принялся бормотать что-то насчет мостов, которые не стоит сжигать за собой.

– Хорошо, – кивнул мистер Фробишер, не ожидавший другого ответа, но все же посчитавший своим долгом предложить свой вариант. – А теперь попробуем обернуть эту неудачу в нашу пользу.

– И как вы предлагаете мне это сделать, сэр?

– Сейчас, когда вы освобождены от ежедневных хоровых репетиций, у вас будет больше времени на подготовку к вступительным экзаменам.

– Да, сэр, но у меня по-прежнему остаются обязанности...

– И я сделаю все, что в моих силах, чтобы ваш пост школьного старосты впредь обременял вас в меньшей степени.

– Спасибо, сэр.

– Кстати, Гарри, – припомнил мистер Фробишер, поднимаясь с кресла, – я только что прочел вашу работу по Джейн Остин, и меня поразило ваше предположение, что если бы мисс Остин могла поступить в университет, то, возможно, никогда не написала бы ни единого романа, а даже если бы и написала, ее труды, вероятно, оказались бы куда менее прозорливыми.

– Порой и в невыгодном положении есть своя выгода, – пояснил Гарри.

– Звучит не похоже на Джейн Остин, – заметил мистер Фробишер.

– Это не ее слова, – подтвердил Гарри. – Но это сказал другой человек, не посещавший университета, – добавил он без дальнейших объяснений.

Мэйзи глянула на свои новые часы и улыбнулась:

– Мне пора идти, Гарри, а то опоздаю на работу.

– Конечно, мам, – откликнулся мальчик, вскочив из-за стола. – Я провожу тебя до трамвайной остановки.

– Гарри, ты думал о том, что будешь делать, если не получишь эту стипендию? – задала она вопрос, которого избегала вот уже несколько недель.

– Я все время об этом думаю, – признался тот, открывая перед ней дверь. – Но в этом случае особого выбора мне не останется. Я буду вынужден вернуться в Мерривуд, а когда мне исполнится четырнадцать, брошу школу и начну искать работу.

10

– Как по-твоему, ты готов встретиться с экзаменаторами, мальчик мой? – спросил Смоленый Джек.

– Настолько, насколько это вообще возможно, – отозвался Гарри. – Кстати, я последовал твоему совету и проглядел экзаменационные работы за последние десять лет. Ты был прав, в них есть определенная последовательность, и некоторые вопросы повторяются через равные промежутки времени.

– Хорошо. А как обстоят дела с твоей латынью? Мы не можем себе позволить провалить этот экзамен, как бы хорошо ни справились с прочими работами.

Гарри улыбнулся этому «мы».

– Благодаря Дикинсу на репетиционном экзамене на прошлой неделе я набрал шестьдесят девять процентов, хотя и послал Ганнибала в поход через Анды.

– Всего-то и промахнулся на шесть тысяч миль, – хмыкнул Смоленый Джек. – И что, по-твоему, станет для тебя главной трудностью?

– Сорок выпускников Святого Беды, которые тоже сдают этот экзамен, не говоря уже о двухстах пятидесяти из других школ.

– Забудь о них, – ответил ему Смоленый. – Если ты покажешь все, на что способен, они ничем тебе не помешают.

Гарри промолчал.

– А как поживает твой голос? – спросил Смоленый, всегда менявший тему разговора, когда мальчик умолкал.

– Никаких новостей, – доложил Гарри. – Могут пройти недели, прежде чем я узнаю, стал я тенором, баритоном или басом, и даже тогда не будет никаких гарантий, что я окажусь на что-то способен. Одно можно сказать с уверенностью: БКШ не предложит мне стипендию хориста, пока я похож на хромого лошадь.

– Брось, – ободрил его Смоленый. – Все не настолько плохо.

– Еще хуже, – возразил Гарри. – Будь я лошадей, меня бы уже пристрелили, чтобы избавить от мучений.

Старый Джек рассмеялся.

– И когда же экзамены? – спросил он, хотя и сам знал ответ.

– Через четверг. Мы начнем с общих знаний в десять утра, потом будет еще пять других работ, а в конце в четверг – английский.

– Хорошо, что последним будет твой любимый предмет, – заметил Смоленый.

– Будем надеяться, что так, – вздохнул Гарри. – И молиться, чтобы мне попался вопрос по Диккенсу. О нем уже три года не спрашивали, и я перечитывал его после отбоя.

– Веллингтон писал в мемуарах, – припомнил Смоленый, – что худшая пора любой кампании – это ожидание восхода солнца в утро перед сражением.

– Я согласен с Железным герцогом, а значит, в ближайшую пару недель не выплусь.

– Тем больше причин не навещать меня в следующую субботу, Гарри. Тебе стоит провести это время с большей пользой. В любом случае, если я правильно помню, это твой день рождения.

– Откуда ты знаешь?

– Смею тебя уверить, что не из «Таймс», где публикуют придворные новости. Но поскольку в прошлом году он выпал на тот же день, я пошел на риск и купил тебе небольшой подарок.

Он взял сверток, упакованный в старую газету, и протянул его Гарри.

– Спасибо, сэр, – отозвался мальчик, развязывая бечевку.

Он развернул газету, открыл маленькую темно-синюю коробочку и недоверчиво уставился на мужские часы «ингерсолл», которые в последний раз видел в витрине магазина мистера Дикинса.

– Спасибо, – повторил Гарри, застегивая ремешок у себя на запястье.

Некоторое время он не мог отвести глаз от подарка. Гарри смотрел на часы и думал: «Надо же! А ведь они стоят шесть шиллингов».

В утро перед экзаменом у Гарри не было сна ни в одном глазу задолго до восхода солнца. Он пропустил завтрак, вместо этого просмотрев несколько старых работ по общим знаниям, сверил столицы со странами, от Германии до Бразилии, даты правления премьер-министров от Уолпола до Ллойд Джорджа и царствования монархов от короля Альфреда до Георга Пятого. Через час он решил, что готов встретиться с экзаменаторами.

И снова он сидел в первом ряду, между Баррингтоном и Дикинсом. И гадал: не в последний ли раз? Когда часы на башне пробили десять, преподаватели прошли по рядам и раздали задания сорока переволновавшимся мальчикам. Ну, тридцати девяти переволновавшимся и Дикинсу.

Гарри медленно прочел вопросы. Добравшись до сотого, он позволил себе растянуть губы в улыбке. Взял перо, окунул в чернильницу и начал писать. Сорок минут спустя он вернулся к сотому вопросу. Глянул на часы – у него еще оставалось десять минут на проверку. На миг он задержался на тридцать четвертом вопросе, усомнившись в первоначальном ответе. Кого отправили в лондонский Тауэр за предательство – Оливера Кромвеля или Томаса Кромвеля? Он вспомнил участь кардинала Уолси и остановился на человеке, занявшем его место лорд-канцлера.

К тому времени, как часы пробили снова, Гарри добрался до девяносто второго вопроса. Он поспешно проглядел оставшиеся восемь ответов, и работу выхватили у него из рук. Чернила на последнем из них, «Чарльз Линдберг», еще не успели просохнуть.

Во время двадцатиминутного перерыва Гарри с друзьями неспешно прогуливался по крикетному полю, где Джайлз набрал сотню перебежек всего неделю назад.

– Amo, amas, amat, – говорил Дикинс, усердно повторявший с ними спряжения, ни разу не сверившись с учебником Кеннеди.

– Amamus, amatis, amant²⁷, – твердил Гарри, пока они возвращались в экзаменационный зал.

Когда час спустя он сдал работу по латыни, то был вполне уверен, что набрал больше необходимых шестидесяти процентов, и даже Джайлз выглядел довольным собой. По пути в столовую Гарри приобнял Дикинса за плечи.

– Спасибо, дружище, – сказал он товарищу.

Позже этим утром, прочтя вопросы по географии, Гарри мысленно поблагодарил свое тайное оружие. За годы знакомства Смоленый передал ему множество знаний, причем мальчику ни разу не показалось, будто он сидит на уроке.

За обедом он не притронулся к ножу и вилке. Джайлз осилил половину пирога со свиной, в то время как Дикинс насыщался без устали.

В первый день их пытали историей, не причинившей Гарри ни малейшего беспокойства. Генрих Восьмой, Елизавета, Рэли, Дрейк, Наполеон, Нельсон и Веллингтон дружным строем промаршировали на поле боя, а Гарри расставил их по местам.

Задание по математике оказалось куда проще, чем он ожидал, а Джайлз даже заподозрил, что смог набрать на нем очередную сотню.

²⁷ Спряжение латинского глагола «amare» – «любить» (люблю, любишь, любит).

Во время последнего перерыва Гарри зашел к себе в кабинет и еще раз проглядел сочинение, написанное по «Дэвиду Копперфилду», в полной уверенности, что сможет блеснуть в работе по любимому предмету. Неспешным шагом он вернулся в экзаменационный зал, снова и снова повторяя излюбленное слово мистера Холкомба: «сосредоточься».

Он усталился на последнее в этот день задание и обнаружил, что год посвящен Томасу Харди и Льюису Кэрроллу. Он читал «Мэра Кэстербриджа» и «Приключения Алисы в Стране чудес», но Болванщик, Майкл Хенчард и Чеширский кот были знакомы ему хуже, чем Пегготи, доктор Чиллип и Баркис. Его перо медленно зацарапало по бумаге, и когда час истек, Гарри оставался в сомнении, достаточно ли сделал. Он вышел из зала под вечернее солнце, слегка подавленный, хотя по лицам его соперников было видно, что никто из них не считал работу легкой. Это заставило его гадать, не осталось ли у него еще шанса на успех.

За этим последовала худшая, по словам мистера Холкомба, часть экзамена – дни бесконечного ожидания перед тем, как результаты официально вывешат на школьной доске объявлений; время, когда мальчики совершают поступки, о которых позже будут жалеть. Одного ученика поймали пьющим сидр за велосипедным сараем, другого – курящим «Вудбайн» в уборной, а третьего видели после отбоя выходящим из местного кинотеатра.

В следующую субботу, впервые за сезон, Джайлз не набрал ни одной перебежки за игру. Дикинс вернулся в библиотеку, а Гарри отправлялся на долгие прогулки, снова и снова прокручивая в мыслях каждый свой ответ. Легче от этого не становилось.

В воскресенье днем Джайлз устроил себе долгую тренировку с сеткой, в понедельник Дикинс нехотя сдал пост новому заведующему библиотекой, а во вторник Гарри прочел «Вдали от обезумевшей толпы»²⁸ и чертыхнулся вслух. Ночью в среду они с Джайлзом заболтались за полночь, пока Дикинс крепко спал.

В четверг утром, задолго до того, как часы на башне пробили десять, сорок мальчиков уже бродили по школьному двору, засунув руки в карманы, повесив головы и ожидая прихода директора. Хотя каждый из них знал, что доктор Оукшотт не появится ни минутой раньше, ни минутой позже назначенного срока, без пяти десять почти все взгляды сосредоточились на двери директорского дома. Остальные посматривали на часы большого зала, мечтая, чтобы минутная стрелка двигалась чуть быстрее.

С первым боем преподобный Сэмюэл Оукшотт открыл дверь и вышел на дорожку. В одной руке он держал лист бумаги, а в другой – четыре кнопки. Он был не из тех людей, кто оставляет что-либо на волю случая. Пройдя дорожку до конца, он открыл небольшую калитку и спокойным шагом направился через двор, не обращая внимания ни на что вокруг. Мальчики поспешно расступились, образовав коридор. С десятым ударом часов тот остановился перед доской объявлений. Он вывесил результаты экзаменов и без единого слова удалился.

Сорок мальчиков ринулись вперед, сгрудившись вокруг доски объявлений. Никто не удивился тому, что Дикинс возглавил список, набрав девяносто два процента, и получил от Бристольской классической школы стипендию Пелоквина. Джайлз подпрыгнул, не пытаясь скрыть облегчения, когда увидел напротив собственного имени шестьдесят четыре процента.

Оба они обернулись в поисках друга. Гарри стоял в одиночестве, вдали от обезумевшей толпы.

²⁸ «Вдали от обезумевшей толпы» – роман Томаса Харди.

Мэйзи Клифтон 1920–1936

11

Когда мы с Артуром поженились, нельзя сказать, чтобы мы отметили это событие с размахом, но, с другой стороны, и Танкоки, и Клифтоны всегда были бедны как церковные мыши. Наибольшие расходы пошли на хор – полкроны²⁹, но он стоил каждого пенни. Мне всегда хотелось присоединиться к хору мисс Манди, но, хотя она говорила мне, что мой голос достаточно хорош, об этом не шло и речи, так как я не умела ни читать, ни писать.

Прием, если это можно было так назвать, проходил в доме родителей Артура на Стилл-Хаус-лейн: бочонок пива, бутерброды с арахисовым маслом и дюжина пирогов со свиной начинкой. Мой брат Стэн даже прихватил с собой порцию рыбы с жареной картошкой. И в довершение всего нам пришлось уйти рано, чтобы успеть на последний автобус в Уэстон-сьюпер-Мэр – наше свадебное путешествие. В пятницу вечером Артур снял нам домик на побережье, а поскольку большую часть выходных шел дождь, мы почти не покидали спальни.

Казалось странным, что второй раз я переспала с мужчиной тоже в Уэстон-сьюпер-Мэр. Я была потрясена, впервые увидев Артура обнаженным. Темно-красный, грубо зашитый шрам тянулся поперек его живота. Проклятые немцы. Он никогда не рассказывал, что его ранило на войне.

Меня не удивило, что Артур возбудился сразу же, стоило мне снять комбинацию, но я должна признаться, все же надеялась, что он разует, прежде чем мы займемся любовью.

Мы выехали из съемного домика вечером в воскресенье и поспешили на последний автобус до Бристоля, поскольку Артур должен был явиться в порт к шести утра в понедельник.

После свадьбы Артур переехал к нам – «пока мы не сможем позволить себе собственное жилье», сказал он моему отцу, что обычно означало «пока кто-нибудь из наших родителей не отойдет в мир иной». В любом случае обе наши семьи жили на Стилл-Хаус-лейн, сколько себя помнили.

Артур пришел в восторг, когда я сказала ему, что в положении, ведь он хотел не меньше шести детей. Меня беспокоило, от него ли будет первый, но, благо правду знали только мы с мамой, у него не было причин что-либо подозревать.

Восемь месяцев спустя я родила мальчика, и, слава богу, ничто не указывало на то, что он не от Артура. Мы окрестили его Гарольдом, чем порадовали моего отца, поскольку это означало, что его имя будет живо и в следующем поколении.

С тех пор я полагала само собой разумеющимся, что засяду, как мама и бабушка, дома, принося по младенцу раз в два года. В конце концов, в семье Артура было восемь детей, а я родилась четвертой из пяти. Но вышло так, что Гарри остался единственным моим ребенком.

Обычно по вечерам после работы Артур сразу возвращался домой, чтобы побыть с малышом до того, как я уложу того в кроватку. Когда в ту пятницу он не пришел, я предположила, что он заглянул в пивную вместе с моим братом. Но вскоре после полуночи Стэн ввалился в дом мертвецки пьяным, потрясая пачкой пятифунтовых купюр, Артур же так и

²⁹ Британская корона – пять шиллингов.

не появился. Одну из банкнот Стэн вручил мне, и я подумала, уж не ограбил ли он банк. Но когда я спросила его, где Артур, он промолчал.

Той ночью я не легла спать, так и сидела на нижней ступеньке лестницы, дожидаясь мужа. С тех пор как мы поженились, ни разу не бывало, чтобы Артур до зари не пришел домой.

Хотя Стэн протрезвел к тому времени, как спустился в кухню на следующее утро, за завтраком он не произнес ни слова. Едва я снова спросила его, где Артур, он заявил, что не видел того с тех пор, как накануне они отметили время ухода с работы. Нетрудно определить, когда Стэн лжет, – он не смотрит в глаза. Я уже собиралась надавить сильнее, когда услышала громкий стук во входную дверь. Первой моей мыслью было, что это наверняка Артур, и я со всех ног бросилась открывать.

Стоило мне распахнуть дверь, как двое полицейских ворвались в дом, направились напрямик на кухню, схватили Стэна, надели на него наручники и объявили, что арестовывают его за кражу со взломом. Теперь я знала, откуда взялась пачка денег.

– Ничего я не крал! – возмутился Стэн. – Деньги мне дал мистер Баррингтон.

– Так я тебе и поверил, Танкок, – заявил первый полицейский.

– Но это чистая правда, сэр, Бог свидетель, – уверял мой брат, пока его тащили в каталажку.

И на этот раз я знала, что он не врет.

Я оставила Гарри с мамой и побежала в порт, в надежде на то, что с утра Артур явился на работу и сможет объяснить мне, почему арестовали Стэна. Я пыталась не думать о том, что он, возможно, тоже задержан.

Человек на проходной сообщил, что с утра не видел моего мужа. Но, сверившись с расписанием смен, он и сам озадачился, поскольку прошлой ночью Артур не отметил время ухода.

– Не вините меня, – только и сказал он. – Вчера я на воротах не стоял.

Лишь позже я задумалась о том, почему он воспользовался словом «винить».

Зайдя на верфь, я принялась расспрашивать товарищей Артура, но все они твердили одно и то же. «Не видел его с тех пор, как он вчера отметился, сдав смену». И поспешно уходили прочь. Я уже собиралась в участок выяснять, не арестовали ли и Артура тоже, когда увидела старика, который брел мимо, опустив голову.

Я бросилась за ним, ожидая, что он погонит меня прочь или заявит, будто не знает, о чем это я толкую. Но как только я приблизилась, он остановился и снял шапку.

– Доброе утро, – поздоровался он.

Его хорошие манеры удивили меня и придали уверенности, позволившей спросить, не видел ли он Артура этим утром.

– Нет, – ответил он. – В последний раз я видел его вчера, когда он работал в вечернюю смену вместе с вашим братом. Возможно, вам стоит спросить у него.

– Не могу, – объяснила я. – Его арестовали и забрали в участок.

– В чем его обвиняют? – озадачился Смоленый Джек.

– Не знаю, – ответила я.

Тот покачал головой.

– Ничем не могу вам помочь, миссис Клифтон, – сообщил он. – Но есть по меньшей мере два человека, которым известна вся правда.

Он кивнул на большое строение из красного кирпича, которое Артур всегда называл «управлением».

Я вздрогнула, увидев полицейского, выходящего из дверей здания, а когда обернулась, Смоленый уже исчез.

Подумав, не зайти ли в «управление» – или контору Баррингтона, если назвать ее своим именем, – я отказалась от этой мысли. В конце концов, что я скажу, если столкнусь лицом к лицу с начальником Артура? В итоге я побрела домой, пытаюсь хоть как-то разобраться в происходящем.

Я видела, как Хьюго Баррингтон давал показания. Та же самоуверенность, то же высокомерие, та же смесь лжи и правды, убедительно выплеснутая на судью, – совсем как в тот раз, когда я была с ним один на один в спальне. Едва он покинул свидетельскую трибуну, я поняла, что у Стэна шансов выкрутиться не больше, чем у снежинки в адском огне.

В заключительной речи судья представил моего брата заурядным вором, воспользовавшимся своим положением, чтобы ограбить нанимателя. Закончил он заявлением, что ему не осталось другого выбора, кроме как отправить преступника в тюрьму на три года.

Я присутствовала на судебном разбирательстве все дни от начала до конца, надеясь уловить хоть какой-то намек на судьбу Артура. Но к тому времени, как судья объявил заседание закрытым, я так ничего и не выяснила, только окончательно уверилась, что брат рассказывает не всю правду. И прошло еще немало времени, прежде чем я узнала почему.

Помимо меня, единственным, кто ежедневно присутствовал на разбирательстве, был Смоленый, но мы с ним не разговаривали. Пожалуй, я могла бы никогда больше его не увидеть, если бы не Гарри.

Потребовалось некоторое время, чтобы я свыклась с тем, что Артур никогда не вернется домой.

Стэн отсутствовал еще лишь несколько дней, а я уже узнала истинное значение слов «сводить концы с концами». Когда один из двух кормильцев семьи загремел за решетку, а второй пропал бог весть куда, мы очень быстро очутились за чертой бедности. К счастью, на Стилл-Хаус-лейн бытовало неписаное правило: если кто-нибудь «отправлялся в отпуск», соседи делали все возможное, чтобы поддержать его семью.

Преподобный Уоттс постоянно заглядывал к нам и даже вернул часть денег, которые мы годами клали на блюдо для пожертвований. Мисс Манди появлялась время от времени, причем не только с добрыми советами, и уходила всегда с пустой корзинкой. Но ничто не могло возместить мне того, что мой муж пропал, брат без вины угодил в тюрьму, а сын лишился отца.

Гарри недавно сделал первый шаг, но я уже боялась услышать его первое слово. Вспомнит ли он, кто обычно сидел во главе стола, и спросит ли, почему его там больше нет? Это дедушка придумал, что нам следует отвечать, если Гарри начнет задавать вопросы. Мы все договорились придерживаться одной и той же истории; в конце концов, вряд ли Гарри когда-нибудь встретится со Смоленым.

Но в те времена самой насущной заботой семейства Танкок было отвести от дома нужду или, что важнее, сборщика арендной платы и судебного пристава. Потратив пять фунтов Стэна и заложив мамино посеребренное ситечко, свое обручальное кольцо и, наконец, свадебное, я начала опасаться, что нам осталось не так уж много времени до выселения.

Но очередной стук в дверь принес отсрочку на несколько недель. На этот раз на пороге обнаружилась не полиция, а человек, назвавшийся мистером Спарксом, который сообщил мне, что представляет профсоюз, где состоял Артур, и пришел проверить, выплатила ли фирма мне возмещение.

– Ни единого медного фартинга, – сообщила я, усадив мистера Спаркса на кухне и налив ему чаю. – Мне сказали, что он исчез без предупреждения и они не в ответе за его действия. И я по-прежнему не знаю, что на самом деле произошло в тот день.

– Я тоже, – подтвердил мистер Спаркс. – Они все молчат как мертвые, не только руководство, но и рабочие. Не могу добиться от них ни слова. «Стоит дороже, чем моя жизнь», – сказал мне один из них. Но взносы вашего мужа выплачены полностью, – добавил он, – так что вы вправе получить возмещение от профсоюза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.